

The background of the cover is a close-up of a creature's face. The skin is a deep red color with a scaly, hexagonal pattern. Overlaid on this is a dense layer of dark red, almost black, fur. Two large, bright yellow eyes with black pupils are looking directly forward. The overall texture is rough and tactile.

ЭДУАРД ВЕРКИН

ХРОНИКА СТРАНЫ МЕЧТЫ

ПЧЕЛИНЫЙ ВОЛК

Эдуард Николаевич Веркин
Пчелиный волк
Серия «Хроника
Страны Мечты», книга 2

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165360
Веркин Э. Пчелиный волк: Роман: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-20666-7*

Аннотация

Место, где сбываются мечты. Страна осуществившихся желаний. Эльдорадо. Каждый хочет попасть туда. Хоть на часок. Каждый хочет увидеть. Хоть одним глазком. Это лучшее, что есть у людей.

Однако мечтой интересуются не только мечтатели. На секретной базе в глухой тайге уже готовится спецгруппа, цель которой – проникновение в Страну Мечты. Захват. Порабощение. Включение в ареал экономических интересов.

Но вторжение в Страну Мечты не будет легкой прогулкой. Потому что есть еще люди... Есть еще люди, гномы, эльфы, механические псы, драконы. И многие другие. Те, кто готов сражаться.

А пока Мечта под угрозой.

Пока приключения продолжаются...

Содержание

ЧАСТЬ I	4
Глава 1. Убей василиска!	4
Глава 2. Глаза утконоса	40
Глава 3. Киборги не воняют	57
Глава 4. Дрюпин-компакт	85
Глава 5. Молоко бегемота	104
Глава 6. Жеребец для королевы	133
Глава 7. Как я убил скороходов	155
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Эдуард ВЕРКИН

ПЧЕЛИНЫЙ ВОЛК

*Пчелиный волк (Philantus Triangulum) –
одиночная оса из семейства роющих ос. Охотится
на медоносных пчел, убивает их и высасывает мед.*

ЧАСТЬ I

Дверь

Глава 1. Убей василиска!

Они меня бесят.

Все.

Дрюпин, Седой, Сирень. Ван Холла не было, он вообще редко бывает, только по делам особой важности, но все равно бесит.

Дрюпин и Сирень сидят прямо передо мной. Седой, как руководитель проекта, за спиной. Наблюдает за нами типа. А сам только и делает, что пилюли синенькие глотает. Супер-пилюли от суперукачивания. Нам пилюли не дает – они, вроде того, снижают скорость реакции. Остроту. Поэтому мы страдаем.

Сирени плохо. Но виду не подает, опустила забрало шлема, видно только подбородок. Подбородок дергается.

Глядеть на лицо Дрюпина, дрожащее как недозастывшее желе, невыносимо. Мне кажется, что еще пара секунд и Дрюпин расслоится, протечет через дырчатое кресло, протечет через пол, распылится над тайгой маслянистым дождем, станет землей, станет травой, какой-нибудь черемшой, или даже волчанкой, станет костяникой. Нельзя смотреть на этот пудинг. Активирую светофильтры, осторожно цепляю наушник. Поехали.

А-а-а-а-р!

По лесу шагал Франциск, собирал цветочки,

Я у папы лоб один, нет у папы дочки.

Вдруг из кущей василиск с хитрыми глазами,

Шустрый Франци бросил меч: загрызу зубами!

Убей василиска, убей!

Найди его тушку средь скудных просторов!

Убей василиска, убей!

Средь белого мха иль средь косогоров

Убей василиска!

Убей!

Рывок. Рылом о забрало. Бах. Больно.

Вертолет дрогнул, перекосялся, начал падать, дифферент на нос, ненавижу вертолетчиков, такие гады.

Убей вертолетчика, убей-а-а-а...

Турбулентность, турбулентность, кишки из носа, кровь из глаз, я рычу, убей василиска, убей, «Анаболик Бомберс», альбом «Левая Тишина», убей василиска-а-а-а...

Темнота. Пахнет паленой резиной. И нашатырем.
Мерзко.

...а что вы хотите... все-таки дети... а мы их не на пилотов учим, я сам, между прочим, штаны чуть не... не рекомендую смеяться, он один пятерых таких, как вы, в узел завяжет...

Голос Седого.

Я открыл глаза. Седой стоял рядом. В руке платок, нашатырем воняет до слез.

– Очнулся, – довольно сказал Седой. – Давай выходи на воздух, я остальных подниму. А это что?

Седой увидел наушник.

– Опять эту дрянь слушаешь?! – Седой подцепил пальцем наушник и вытащил из-под брони плеер. – Я же запретил! У вас и так мозги разваливаются!

– Это для поднятия боевого духа, – сказал я. – Ритмичная тяжелая музыка в сочетании с мужественными патриотическими текстами. Тонизирует.

– Выметайся давай. – Седой сунул платок под нос Сирени. – Там тебя тонизируют по полной... «Убей василиска» – это что, по-твоему, мужественный текст? Ты хоть знаешь, что такое василиск?

– Знаю, – ответил я. – А в песне, между прочим, в глубо-

ко символической форме говорится об известном случае со святым...

— Ладно, вундеркинд, выметайся. — Седой вытер лоб, поморщился. — Просыпайся, красавица, пора размять косички! Сирень зашевелилась. Седой повернулся к Дрюпину.

Дрюпин выглядел плохо, хуже, чем во время полета, Седой приложил к нему наштавь, но Дрюпин был недвижим и холоден, как пик Коммунизма.

Солнце не растопит лед каменной реки, весны не будет никогда, Су Ши, придворный поэт китайского императора, эпоха Сун, одиннадцатый век.

Седой принялся лупить Дрюпина по щекам. Смотреть на это было невесело. Я отстегнул ремни и стал пробираться к выходу.

Воздух. От воздуха мне полегчало.

Шлем заляпан кровью. Моей. Это из носа. Я протер шлем о колено и спрыгнул на траву.

Огляделся.

Место высадки чрезмерной курортностью не отличалось, здоровый среднерусский депрессняк. Березки листиками шумят, гармошка играет, играет...

Ничего не шумит, ничего не играет. Валдайская возвышенность, причем в самых мрачных ее проявлениях, милое, милое Лукоморье. Вдалеке разрушенный коровник, вблизи, конечно же, покосившиеся хаты, окна в землю вросли. Над головой лопасти бесшумно перемалывают воздух.

Красиво.

Из вертолета выскочила Сирень, за ней Дрюпин.

Сирень держалась бодро, Дрюпин качался.

– А вот и они! – торжественно сказал я. – Одинокий Дуб и Расщепленная Сосна! Дрюпин, ты кто, Одинокий Дуб или Расщепленная Сосна?

– А пошел ты. – Дрюпин тер виски.

– Значит, дуб. Хорошее дерево. Дрюпин, ты в курсе, что, когда мы падали, ты дал обет?

– Какой обет? – растерялся Дрюпин.

– Конечно, может, ты сделал это в бессознательности, в состоянии аффекта, так сказать. Перед смертью многие дают необоснованные клятвы...

– И чего я обещал? – насторожился Дрюпин.

– Ты пообещал нашей Сирени, что если останешься жив, то попросишь у нее руки.

– Да? – Дрюпин покраснел.

– И ноги, – добавил я.

– Кретин. – Сирень нацепила шлем и отошла в сторону.

– Зачем ты... – поморщился Дрюпин. – Она же...

– Но ведь это правда, – сказал я. – А правду в кулаке не утаишь. Не кисни, Дрюпинг, я готов быть посаженным отцом...

– Хватит болтать. – Из вертолета появился Седой. – Времени мало. Слушайте. Радиус зоны зачистки – три километра. Деревня. По периметру расположены десантники, вхо-

дить в зону им запрещено, сами понимаете...

– А зря, – перебил я. – Этих десантников как грязи, а я, между прочим...

– Повторяю, – нервно сказал Седой. – Зона зачистки – три километра. Время – до темноты.

– Объект? – спросила Сирень.

– Неизвестен. Зачищайте все.

– Убейте всех, сказал легат, господь своих узнает, – выдал я давно заготовленное.

У Седого отвалилась челюсть, Дрюпин посмотрел на меня с восхищением, Сирень не прореагировала. Так вам, собаки, так, получите...

– Иногда вы меня пугаете, – сказал Седой. – Пугаете.

Не мы тебя пугаем. Тебя пугает...

– Идите. – Седой двинул к вертолету. – Удачи.

– Великий вождь, – сказал я. – Я принесу тебе печень врага! Я вырву его зоб, наполненный драгоценной яшмой!

– И помните. – Седой остановился и упер палец в небо. – Это не тренировка, это по-взрослому. Может иметь место... летальный исход.

Дрюпин кивнул. Я кивать не стал, на этой неделе у меня уже два раза имел место летальный исход. Сирень опустила забрало. Она вообще любила прятаться. Замарайка этакая.

– Эй, мистер! – крикнул я вслед Седому. – Как насчет разрушений?

– Разрушений в меру, – не оборачиваясь, ответил Седой. –

Тут еще людям жить.

Он залез в вертолет, вертолет ушел вверх, мы остались одни, Валдайская возвышенность приняла нас в свои кедровые лапы, убей василиска.

– Ну, что делать бум? – спросил Дрюпин.

– Пойдем сначала туда, – я указал пальцем вдоль улицы. – Туда. Вдоль по улице...

Как называлась улица, видно не было, поэтому я по праву первооткрывателя, назвал ее сам.

– Вдоль по улице имени Всеобщей Безжалостности.

Сирень нахмурилась. Хотя из-под шлема этого и не было видно, но она нахмурилась, девчонки ведь так предсказуемы. Она хотела поспорить, хотела сказать, что надо все делать не так, что надо идти дворами... Но промолчала, я был старше по званию и мог дать в глаз. Или даже руку сломать в двух местах, такой уж я суровый.

Вообще-то, если, конечно, по-умному делать, надо было идти все-таки дворами. Не привлекая внимания. Но с Дрюпиным не привлекать внимания было невозможно, так что что дворами, что не дворами, разницы никакой. Дворами пробираться только сложнее, грядки-шмятки всякие, сельхозугодья по колено. Провалишься в картофельную яму, к весне жуки отполируют скелет для школьного музея.

Поэтому мы пошли по улице Всеобщей Безжалостности.

Я первым, Дрюпин за мной, Сирень в арьергарде, то есть последней.

Я шагал спокойно, дышал воздухом, проветривал для будущих свершений альвеолы. Сирень тоже особо не напрягалась, чего ей напрягаться? Обоймы она меняла быстро, свои «Тесла-С» (металлопласт-керамика, пятьдесят безгильзовых патронов, дрова можно колоть) держала в идеальном порядке. Конечно, против меня ей было не выстоять, но пятток десантников зараз она могла уложить спокойно.

Она еще и ножи метала, впрочем, ножи метать любой дурак умеет. Так что Сирень не напрягалась.

Напрягался Дрюпин. Выставил перед собой детектор движения, шарил им влево-вправо, совсем как в кино. Но прибор молчал и не пикал, огоньки на нем не горели и не мигали.

– Дрюпин, – сказал я, когда мы прошли метров сто. – Нельзя так доверяться техническому прогрессу. Брось ты этот свой локатор, доверься чувствам. Посмотри на свою невесту...

– Заткнись, – тихо сказала Сирень.

– Какие грубости! – хмыкнул я. – Посмотри, Дрюпин, какая у тебя жена злобная будет... Настоящая Ксантиппа ¹, сокращенно Типи. Сирень, можно я буду звать тебя Типи?

Сирень на провокацию не поддавалась, наверное, нервы закаляла. А вот Дрюпин чего-то засуетился. Прицепил свой детектор к поясу, снял шлем, приладил к нему четырехстороннюю антенну, водрузил шлем обратно и щелчком опустил забрало.

¹ Ксантиппа – жена философа Сократа, вредная и ругливая женщина.

– Теперь круговой обзор, – удовлетворенно сказал он. – Все вижу...

– А видишь ли ты свое безрадостное будущее с этой особой...

Начал я, но закончить не успел. Дрюпин запнулся и, раскинув руки, грохнулся на дорогу.

– Плохая примета, Дрюпинг, – усмехнулся я. – Спотыкаешься на ровном месте. Нехорошо с такой приметы начинать супружескую жизнь...

– Какое ровное место?! – Дрюпин откатился в сторону. – Тут бугры сплошные...

Сирень положила руку на свои «теслы».

– Кровожадность – качество совершенно не украшающее девушку... – улыбнулся я. – Лучше бы ты курила.

Это я круто. От подобной наглости Сирень подавилась собственными гландами, я это по подбородку увидел. К месту сказанное слово заменит удар ножа. Так говорил магистр Торквемада ², наш духовный учитель.

Дрюпин поднялся на ноги и сунул сапогом в песок. Из песка выскочила голова.

Сирень выхватила правый пистолет. «Тесла» пустил черный солнечный зайчик.

– Что это? – испуганно спросил Дрюпин.

Он снял бластер с предохранителя и принялся, как обезьяна, вертеться в разные стороны. Совсем забыв про свой

² Торквемада Томазо – Великий Инквизитор испанской инквизиции XV в.

локатор.

– Судя по обрубленным ушам... – Я присел. – Судя по обрубленным ушам, это...

– Алабай, – сказала Сирень. – Это алабай.

– Алабай? – прошептал Дрюпин.

– Среднеазиатская овчарка. – Сирень перевернула голову, оттянула пальцем губу. – Года четыре. Кобель.

– А почему только голова? – спросил Дрюпин. – Где... все остальное?

– Посмотрим, – сказал я.

Я отпнул голову в сторону, и мы двинулись дальше. По этой, по улице Справедливого Возмездия.

Следующую голову обнаружил уже я. Она не была зарыта в песок, валялась открыто, даже с какой-то горделивостью. Беспородный, но крупный пес. Верхняя челюсть перегрызена чуть ниже переносицы. Выглядит страшно.

– Мама... – быстро пал духом Дрюпин.

– Это тебе, Дрюпинг, не транзисторы прокачивать...

Я быстро подтянул рукава и отстегнул клапаны на кобурах.

– Похоже на волков, – сказал я. – Волки собак жрут, это у них первый деликатес...

– Чтобы так... – Сирень почесала стволom подбородок. – Должна целая стая поработать. Волков. Все-таки алабай – не болонка.

– Это не волки... – выдохнул Дрюпин.

– Почему ты так думаешь? – спросила Сирень.

Дрюпин указал бластером на землю. Я пригляделся и увидел след. Размером в две сложенные ладони.

– Вот и отличненько, – сказал я. – Дрюпинг, это настоящая жизнь начинается, вдохни ее аромат!

– Мертвечиной пахнет, – вздохнул Дрюпин.

– Похоже на медвежий, – Сирень указала пальцем. – Только большой слишком, и пальцы не так поставлены... И других следов почему-то нет...

– Посмотрим. – Я принялся сжимать и разжимать кулаки. – Посмотрим...

– Вы никогда не видели следа снежного человека? – неожиданно спросила Сирень.

– Нет, – ответил Дрюпин, – не видели...

– За меня не отвечай, Дрюмпинг, – сказал я. – Я снежного человека видел. Мы с ним даже в карты однажды играли, это было в Нантакете...

– Я тоже не видела, – продолжала Сирень. – А следы видела. Эти похожи.

– Ты хочешь сказать, что тут... – Дрюпин огляделся. – Что тут... бродит снежный человек?

Я расхохотался. Жизнерадостно так, с легкой интонацией землепроходца Хабарова или там, к примеру, Семенова-Тяньшанского.

– Ты что, новостей не смотришь, Дрюпин? – спросил я, насмеявшись.

– Не...

Я сочувственно похлопал Дрюпина по плечу:

– Тьма. Село Путятино, феодальная раздробленность. Вчера вечером как раз передавали. Недалеко отсюда, каких-то сто километров, вполне может быть, в районе того же Путятина, защитники животных напали на лабораторию «Z». Они там ГМ занимались. Знаешь, что такое ГМ, Дрюпин?

– Генмодификация...

– Точно, генмодификация. По сравнению с ГМ твои ходячие железяки – просто детский конструктор. А в лаборатории «Z» работали над модификацией... морских обитателей.

– Клубнике подсаживали гены скумбрии? – Дрюпин проверил ремни бронежилета.

– Почти что. Они делали сухопутную акулу.

Дрюпин вытер лоб.

– Не слушай его, Валер, – вставила Сирень. – Он врет.

– Так вот, – спокойно продолжал я, – вчера по телевизору сказали, что эта модифицированная акула удрала.

– Да... – задумчиво протянул Дрюпин.

– Вернее, пять модифицированных акул.

Я показал Дрюпину растопыренную пятерню.

Дрюпин икнул. И снова вцепился в свой бластер.

– Не бойся, Дрюпин, – успокоил я. – Я открою тебе один секрет. Акула, когда нападает, всегда переворачивается на спину. А когда она на спине, она ничего не видит. И в этот са-

мый момент можно легко всадить ей в брюхо стальной мавританский кинжал...

– Еще одна, – перебила меня Сирень.

Эта голова была несерьезной. Откровенная дворняга. Голова была раскушена надвое.

– Где эти десантники чертовы? – плаксиво спросил Дрюпин. – Тут я не знаю что... Улица Оторванных Голов. Знаешь, я начинаю задумываться, правильно ли мы...

Я приложил палец к губам и указал глазами в небо. Дрюпин понимающе кивнул.

– Десантники стоят в оцеплении, – сказал я. – С главным героем будем разбираться мы сами. Сирень, следи за тылом, не пялься по сторонам!

– Я не пялюсь! – огрызнулась Сирень.

Мне захотелось вклеить ей парочку... нарядов по кухне, но я воздержался. Нечего устраивать склоку в боевой обстановке.

– Вперед! – приказал я. – Посмотрим на этот мавзолей...

Улица заканчивалась строением вполне выдающимся. Добротный кирпичный дом, два этажа, гараж, баня, красная черепица. Довольно дорогое бунгало на фоне общей бесперспективности. Кто-кто в теремочке живет?

– Кто тут живет? – Дрюпин указал бластером в сторону коттеджа.

Сирень пожала плечами.

– Бизнесмен, наверное, местный, – сказал я. – Заготавли-

вает березовые почки, продает их во Францию. Или кору.

– Какую кору? – не понял Дрюпин.

– Обычную, кедровую. Кедровая кора в цене, ты разве не знал?

– Я... Постой-ка!

Дрюпин уставился на дом.

– У меня на мониторе что-то есть! В доме кто-то есть! Красная точка! Оно в доме!

Дрюпин поднял бластер.

Сирень подняла свой дебильный электромагнитный пулемет.

– Без паники...

В окне черепичного дома мелькнуло. Что-то красное.

– А! – сказал Дрюпин и нажал на курок.

Воздух схлопнулся со звуком порванной струны, бластерный разряд воткнулся ровнехонько под крышу.

– Ой, – ойкнул Дрюпин.

Крыша разлетелась красным веером, черепица поднялась метров на пятьдесят вверх, красиво.

– Молодец, – сказал я. – Люди строили, строили, а ты...

Вспышка сверху!

Я сгруппировался и упал на песок. Сирень упала рядом, хорошая реакция. С неба потек черепичный дождь. Даже, пожалуй, град. Дых-дых-дых.

Дрюпин сгруппироваться не успел и теперь охал под черепичным дождем, хотя била черепица и не больно. А так и

надо. По ушам ему свиным, по мордасам, по мордасам!

Дрюпин все-таки упал.

– Два миллиона, – сказал я.

– Что два миллиона? – пронюнил Дрюпин.

– Можешь списать два миллиона со своего счета, Дрюпин, этот дом стоит никак не меньше.

– Там кто-то был, – шепнул Дрюпин и сел. – В окне...

Сирень тоже села. Оружие она не выпустила, и сейчас ее «тесла» был направлен на дом.

– Я видел его... – снова промямлил Дрюпин.

– Ты не выспался просто, – сказала Сирень. – Оптический обман.

– Хорошо, что этот оптический обманщик нас не пристрелил, – сказал я. – Начальство велело без разрушений, Дрюпин, ты не оправдываешь доверие...

– Стой! – Дрюпин поднял бластер. – Оно еще там... Оно там! Идет к нам!

Сирень толкнула Дрюпина под руку, выстрел ушел в небо, дверь в доме отворилась.

На улицу выскочил пингвин в красной новогодней шапочке с белым помпоном.

– Что это? – всхлипнул Дрюпин.

– Пингвин, – ответил я.

Сирень опустила пистолет.

– Откуда он тут?! – тупо спросил Дрюпин.

– Из Антарктиды, – ответил я. – Сейчас модно держать

необычных животных, многие заводят.

– Сюрреализм какой-то... – сказал Дрюпин.

– Какие слова ты знаешь, Дрюпин. Это опасно! Сначала такие слова употребляешь, потом скульптурой интересоваться начнешь, потом сам ваять станешь, сделаешься художником, быстро сопьешься. А она...

Я указал пальцем на Сирень.

– Она не возложит на твою могилу букет гладиолусов.

Дрюпин продолжал целиться. Только теперь уже в пингвина. Прямохонько в клюв.

– Ты харкалку бы спрятал, – посоветовал я на всякий случай. – Пингвин, вполне может быть, занесен в Красную книгу. К тому же Седой сказал, без особых разрушений, а ты... Да ты просто Герострат, Дрюпин! Разрушитель церквей и храмов! Я так тебя и буду теперь называть... Впрочем, Герострат – это слишком длинно, я буду называть тебя просто Герасим. Сокращенно Гера... Гера и Типи.

Пингвин подковылял к Дрюпину и принялся тыкать в карман клювом. Дрюпин опустил оружие.

– Иди отсюда. – Дрюпин попытался оттолкнуть птицу сапогом.

Пингвин не уходил, привязчивый попался. Я вздохнул и вытащил из-за плеча свой бластер.

– Ты что, сам его пристрелить теперь хочешь? – испугался Дрюпин. – Зачем?

– Тебе же ясно было сказано – зачистить территорию. Вот

и зачистим. И вообще, чем я хуже тебя? Ты, значит, по пингвинам стреляешь, а мне нельзя? А может быть, это пингвин-убийца? Генмодифицированный пингвин-убийца!

– Ты говорил, что они акул-убийц делали... – напомнил Дрюпин.

– Где акулы, там и пингвины. Пингвины-убийцы, кальмары-убийцы, креветки-убийцы. В ассортименте. Отойди немного в сторону, чтобы не зацепило.

– Может...

Я поднял бластер. Дрюпин отскочил в сторону.

– Убейте всех, – сказал я. – Господь своих... узнает. К черту Красную книгу. Убей василиска.

Сирень встала передо мной.

– Не надо, – сказала она.

– В сторону, – приказал я.

– Зачем тебе этот пингвин? Зачем его убивать?

– Чучело сделаю. Чучела я очень уважаю. Что это за жизнь без чучел?

– Я тебя прошу...

– А если ты будешь меня просить, я из тебя чучело сделаю, – пообещал я Сирени.

Чего с ней разговаривать? Я тронул пальцем курок. Дрюпин толкнул Сирень в сторону, она упала.

Я выстрелил.

Разряд прошел ровнехонько над пингвиньей головой, колпак задымился, пингвин выдал что-то на своем, антарктиче-

ском, и шарахнулся в кущи.

– Скотина. – Сирень поднялась на ноги. – Какая же ты скотина...

– Но это ведь не я собираюсь просить твоей руки... Ладно, идем дальше. Может, бегемота какого встретим...

– Все это неспроста, – сказал Дрюпин. – Вы сегодня ночью ничего не слышали?

– А я вообще ночью ни к чему не прислушиваюсь. – Настроение у меня стремительно ухудшалось.

– А я прислушиваюсь. Ровно в час по стенам пошла такая вибрация, у меня даже зубы заболели. А проснулся, гляжу на свои приборы, а они просто с ума сходят. Причем все. Все подряд.

– И что? – спросил я. – Какая связь между твоей вибрацией и оторванными головами?

– Они сегодня ночью запускали установку, – шепотом сказал Дрюпин. – Ровно в час. Они запускали установку, а теперь вот это произошло все.

– Что произошло? – спросила Сирень.

– То произошло, что мы тут. И кого-то ловим, непонятно кого...

– Дрюпин, ты бы поменьше думал и пометче стрелял, – сказал я. – Тогда от твоей жизни было бы гораздо больше толку. Но об этом мы поговорим потом, а сейчас вперед.

– Куда вперед? Направо? Налево? – спросил Дрюпин.

Справа были ничем не примечательные сараи. Слева раз-

долбанная дорога, ведущая к заброшенному коровнику (его я уже упоминал). Заброшенный коровник выглядел более зловещим, и я решил, что лучше проверить сараи. Поелику злодейчики всегда притаиваются в самых скромных местах, такова их злодейская натура.

– Идем к сараям, – сказал я. – Там, в их тенистой глуши, прячется то, что ищем мы в сей день.

– Может, дома лучше проверим? – Дрюпин кивнул назад. – Хибары эти?

– В домах его нет, – ответил я.

– Почему это?

– Поверьте моему опыту.

Нет, конечно, я не был уверен, что тот, кто нам нужен, не прячется в одной из этих хибар. Но уверенность в критической ситуации гораздо важнее всего остального. Уверенность заражает окружающих. Опыт же вторичен.

– Давайте закидаем все это гранатами? – предложил Дрюпин. – Или из бластеров отrixтуем. Риск должен быть оправдан...

– После гранат тут ничего не останется, – сказала Сирень. – А люди как?

– Какие люди? – спросил я.

– Те, что тут живут. В этих домах.

– Новые себе построят, – буркнул Дрюпин. – Чистые, светлые, красивые.

– Я обещал печень Седому, – тоже возразил я. – Печень

снежного человека, замаринованная в муравьином спирте, что может быть лучше? А после бластеров тут ничего не останется, никакой печени... И вообще, хватит болтать, двигаем к сараям! Вы с юга, я с севера. Для особо продвинутых – вы справа, я слева.

– Может, все-таки тандемом? – обреченно спросил Дрюпин.

– Тандемом будешь кататься по Южному Уэльсу. Надо взять сарай в кольцо. В железное кольцо смерти. Понятно?

Дрюпин и Сирень кивнули.

– Выполнять, – велел я. – Если вы сдохнете, то я...

Родителей у этих коловраток наверняка не было, сообщать об их кончине тоже было некому. Поэтому я сказал:

– Я напишу про вас в стенгазету. Заметку. Под названием «Безвременно ушли»... Ладно, уходите.

И они ушли. Не безвременно, а в сарай. Я сорвал травинку, вдохнул пахнувший опилками воздух и стал пробираться к северному сарайному флангу. Дрюпин и Сирень направились к флангу южному.

Сарай были как сарай. Из посеревших неровных досок, покрыты тоже досками, некоторые – прогнившим рубероидом. Обычные. Странно только, что стояли они отдельно от домов – так обычно не делают. Впрочем, разбираться в вывертах валдайской архитектуры мне было некогда. Я шагал, стараясь ступать бесшумно, стараясь почувствовать врага. Но никакого врага я не слышал. Зато прекрасно слышал

Дрюпина.

Дрюпин тоже старался шагать тихо. Он, пожалуй, даже шагал на цыпочках – шаги его были чересчур осторожные и редкие. При этом он пыхтел, лязгал и издавал еще какие-то звуки, кажется всхлипывания. Не умеет этот баран ходить, вертолет водить умеет, а ходить нет.

Сирень я не слышал, она передвигалась вполне профессионально.

Внезапно мне в голову пришла идея. Если я прекрасно слышал Дрюпина, то, значит, и наш объект его прекрасно слышал. И вероятность нападения объекта на Дрюпина была гораздо выше, чем на меня или на Сирень. Поэтому я повернул направо, прокрался между тухлыми мшистыми стенами и выбрался в широкий проход. И сразу увидел Дрюпина.

Дрюпин походил на киношного спецназовца. Двигался в какой-то полуприсяди, быстро ворочая бластером, только фонарика под стволом не хватало. И надписи FBI ³ между лопатками. Вот что значит забивать на занятия Варгаса. Забиваешь на Варгаса – и ты похож на петрушку. На Петрушку то есть.

Сирени не было видно. Видимо, ей тоже пришла в голову эта здравая идея – сделать из Дрюпина приманку. Какие кадры растут, однако...

Дрюпин продвигался вперед, резко заглядывая за поворо-

³ FBI – Federal Bureau of Investigation (англ.) – Федеральное бюро расследований, ФБР.

ты. Но за поворотами никого не было, и после каждого такого заглядывания Дрюпин вздыхал и на секунду расслаблялся. Бластер Дрюпин держал в боевом положении, прижав к плечу приклад. Почему-то меня Дрюпин не видел – то ли комбинезон у меня оказался с отражающим покрытием, то ли локатор у этого изобретателя работал все-таки плохо.

Потом Дрюпин свернул направо, и через минуту я услышал повизгивающий железный звук. Я выглянул из-за угла и увидел, что Дрюп режет проволоку. Проволоку натянули поперек прохода метра на два в высоту, за проволокой было видно что-то вроде дворика, скамейка, засохшее дерево. Уединенное место раздумий и грез, шпрыхштальмейстер отдыхает. Дрюпин широко размахивал ножом. Лезвие из супербулата секло проволоку, как гнилую леску.

Интересно, зачем Дрюпину понадобилось попасть к этому дереву?

Я пригляделся и понял зачем. С дерева на длинной веревочке свисал старый, еще черно-белый телевизор. К древним телевизорам, радиоприемникам, осциллографам, проигрывателям и другой ерунде, в которой содержались радиодетали, Дрюпин был равнодушен. Спокойно пройти мимо средневекового TV он не мог, обязательно хотел его потрогать.

Интересно, зачем сюда этот телевизор вообще привесили? Ладно, плевать. Плохо, что Дрюпин отвлекся от миссии и теперь стремился к телевизору, как влюбленный слон стре-

мится к симпатичной слонихе. Не замечая ничего вокруг.

Надо было его немножечко отрезвить.

Я сделал осторожный шаг в сторону Дрюпина и тут же увидел Сирень. Она стояла прямо передо мной. Возле стены. Только как-то хитро стояла, непонятно каким образом сливаясь с серыми досками. Я шагнул назад. Сирень исчезла. Я снова шагнул вперед. Сирень появилась.

Интересненькое дело. Я такие штуки проделывать не мог. Кто ее такому научил? Где-то я про подобные фокусы слышал, какая-то китайская байда, уход в тень или вроде этого...

Неожиданно я почувствовал запах. Вполне знакомый. Кошка. Большущая кошка, пахнувшая горелой шерстью, килограммов двести горелой кошатины, не меньше. Сирень его тоже услышала, задрала голову.

Дрюпин тем временем рассек последнюю колючку и продрался через преграду. Проволока зацепилась за ремни бронежилета и потянулась за Дрюпиным, он, однако, этого не заметил. Шагал, загипнотизированный своим телевизором, шагал, дрожа в счастливом предчувствии обладания.

Проволока постепенно натягивалась. Она выволоклась метра на три, потом застопорилась. Дрюпин остановился. По спине его я понял, что Дрюпин испугался, однако догадаться, что он сделает в следующее мгновение, не успел.

Дрюпин развернулся в прыжке и выстрелил.

Заряд прошел у меня перед носом, сантиметрах в пяти, не больше. Светофильтры шлема сработали, однако секунд

на десять я ослеп и оглох.

Я выхватил револьверы и присел. В глазах плясали круги, я ничего не слышал и не видел, никакого контакта с реальностью. Когда круги растаяли, Дрюпина я уже не обнаружил. Сирени тоже.

Дворик, дерево, телевизор.

Да кошкой горелой воняет сильнее.

Тот, кто утащил Дрюпина и Сирень, был быстр. Очень быстр. Быстрая горелая кошка. И мощная. Можно предположить, что Сирень тоже на время ослепла, но какое-то сопротивление она оказать все-таки могла. Она все же не Дрюпин.

Могла, но не оказала.

Я остался один. Ну и хорошо. Дышится легче, но надо спешить.

Надо спешить. Ситуация вышла из-под контроля.

Первым делом я отстегнул шлем. Роскошный шлем. Прямое попадание из крупнокалиберной винтовки, а ему по барабану. Плохо, что напрочь перекрывает боковое зрение. А иногда боковое зрение гораздо важнее пуленепробиваемости.

Прощай, рики-тики, я бросил шлем на землю.

Затем избавился от бластера. Мощная штука, можно танк подбить, но в нашем деле бесполезная. Если объект, допустим, тащит Дрюпина с Сиренью в свою, допустим, пещеру, то из бластера его не достать. Тут нужна тонкая работа. Револьвер, пистолет, на крайний случай штурмовая винтовка.

К тому же весит бластер почти пять кило, с такой штукой много не побегаешь.

Прощай, прощай.

Хотел сбросить еще и бронежилет, но не успел – метрах в двадцати за соседним сараем брякнуло. Или бумкнуло, не смог определить этот звук.

Еще. С правого рукава сорвал шеврон. Черно-золотой цвет слишком заметен, как мишень, а демаскировка мне ни к чему.

Готов.

Я подпрыгнул, уцепился за край крыши, повисел. Подъем переворотом, и я уже лежу на пахнущем плесенью рубероида. В правой руке Берта, в левой Дырокол – мои револьверы. На жести за две крыши от меня ноги Дрюпина. Не оторванные, нет, просто тела не видно, свесилось с крыши. Кто-то его там свесил, пятки сиротливо смотрят в облака. Пяток же Сирени совсем не видно.

Я осторожно, чтобы не провалиться, встал.

Ноги поползли. Не мои, дрюпинские. Кто-то сволакивал Дрюпина вниз. Я разбежался по крыше и перепрыгнул на соседний сарай.

И почти сразу же послышался выстрел. Сухой, глухой «Тесла-С» Сирени. «Тесла» хитро устроен, пули разгоняются в электромагнитном поле, без пороха и взрывов. Никакой отдачи, никакого грохота, скорострельность сумасшедшая, точность, дальность – все просто зашкаливает.

Отличное оружие для девчонок.

Правда, дороговато в производстве. Дороже бластера даже, стоит как половина тяжелого танка.

Еще выстрел.

Потом очередь. Длинная очередь и звук врубающихся в дерево пуль.

– Сирень! – позвал я.

Еще очередь. Теперь короткая.

Я перепрыгнул на жестяную крышу. Медленно подошел к краю. Заглянул. Сирень лежала в луже лицом вниз.

Узкий междусарайный проход. Справа чисто. Слева опять ноги Дрюпина. Выглядывают из-за угла. Прятки. Пятки играют в прятки.

Дрюпинские пятки вздрогнули и втянулись за угол. Я спрыгнул в проход. Сумрак, пахнет длинными белесыми червями. Сирень не шевелится.

Или так. Сумрак пахнет длинными белесыми червями, Сирень не шевелится.

Красиво.

Я приблизился к этому бездыханному телу. Осмотрел. Шлем Сирени по краю был слегка покорежен, как будто кто-то пытался его раскусить. Это не радовало. Шея была цела – шлем соединялся с расположенными на бронежилете двойными компенсаторами. Когда на тебе шлем, шею свернуть невозможно. Сирень просто стукнулась. Я наклонился, пощупал артерию. Сердце работало, Сирень была жива. Я пе-

ревернул ее на спину.

– Седой, – позвал я в микрофон. – Давайте сюда, эту дуру, кажется, прижгли...

Связи не было. Мы должны были справляться сами со своими трудностями, таковы условия. Ну что же, сами напросились.

Я вынул из набедренного кармана аптечку, достал шприц со стимулятором, вколол Сирени в ногу. А потом как следует хлестанул по щеке.

Очухалась.

– Жива, – скорбно сказал я. – Прохлаждаешься тут... А твоему жениху Дрюпину ноги, между прочим, оторвало!

– Как оторвало? – Сирень села.

– Так. По самые подмышки. Как теперь пойдете-то?

– Куда пойдём? – не поняла Сирень.

– Куда-куда, под венец!

Возле стены валялся «Тесла». Обойма выворочена, все вокруг засыпано оболочками от пуль. Оболочками и непонятной красной дрянью, будто порошком. Я окунул в эту дрянь палец, дрянь оказалась мелкой-мелкой шерстью.

Красная пыль.

Я подобрал пистолет, вытер о штаны, протянул коллеге. Она взяла оружие, сразу перезарядилась. Значит, голова не повреждена.

– Слушай приказ, колючка, – сказал я. – Как сможешь подняться на ноги, так сразу двигай отсюда подальше. А то наш

краснопузый друг тебе надерет... уши.

— Ты сволочь, — сказала она мне.

— Пять санитарных нарядов, — строгим голосом сказал я. — И будь довольна, что тебе вообще башку не отгрызли!

Я отправился выручать Дрюпина.

За углом был тупик. А Дрюпина не было. Значит, его снова втащили на крыши. Интересно, зачем это зверю понадобился технический гений? Впрочем, на вкус все, наверное, одинаковые, и гении и негении...

На сей раз я не стал проявлять свои выдающиеся гимнастические способности, вскарабкался по стене так, просто, никаких тебе подъем-переворотов. Побеждает тот, кто экономит энергию.

Крыши были пусты. Никого. Ни одинокого воробья, ни зябкого зяблика, вечный покой.

— Дрюпин! — позвал я. — Ты где? Ты где, Гарин-Михайловский?

Бах!

Метрах в пятнадцати передо мной вздулся оранжевый пузырь. Пузырь лопнул и разлетелся в стороны каплями горячего металла. Дрюпин стрелял из бластера. Откуда-то снизу.

Крыши сараев взрывались, плавились, раскалывались, вспыхивали, разрушались другими способами. С грохотом, с ревом пламени. Дрюпин стрелял веером, и край этого веера приближался ко мне.

Быть расплавленным мне не хотелось, я перепрыгнул на

соседнюю крышу. Через секунду место, где я только что стоял, разлетелось в жестяные клочки и деревянные щепки.

Дрюпин стрелял.

Я прыгнул еще. И еще. Хорошо, что сбросил лишнюю амуницию.

С третьей крышей мне не повезло. Шифер был старый, правая нога провалилась выше колена, я завяз.

Я рванулся и провалился еще. Соседняя крыша разлетелась, меня засыпало мусором. Я закрыл глаза. Сейчас.

Ничего. У Дрюпина кончились заряды. Повезло.

Шифер подо мной треснул, я успел раскинуть руки.

Бесполезно.

Провалился.

Никогда не падали на руль классической «Явы»? Хороший мотоцикл, шедевр чешского мотоцикlostроения, только вот руль жестковатый, падать на него больно.

Представьте картину – сарай, пыль, сверху пробиваются рваные лучи света, великий, я сижу на руле мотоцикла, и в деснице моей Берта, а в левой руке, то есть в шуйце ⁴ моей, Дырокол – оружие из рук я не выпустил.

Красиво.

Сидеть на руле «Явы» было больно, я уже говорил. Слезать еще больнее. Но я слез. Скатился, сжимая зубы и стараясь не закричать. Перевернулся на спину, замер. И стал ждать.

⁴ Десница – правая рука, шуйца – левая (древнерусск.).

Минуты через три на крышу мягко приземлилась моя знакомая. Двухсоткилограммовая горелая кошка.

Из-под шифера посыпался мусор. В основном старые дохлые мухи, высохшие до состояния полной невесомости. Мухи кружились в солнечном луче, наслаждаясь своим последним полетом, я лежал между набором лысых «явовских» покрышек и пузатым газовым баллоном с облупившейся краской.

Лежал, глядя в маленький кусочек неба, мечтая, может быть, о горячей ванне с липовым отваром, о специально дрессированной змее, которая обвивается вокруг головы и вытягивает дурные мысли. Лежал, слушая удары сердца. Слушая, как разгораются окружающие меня сараи.

По шиферу прошлепали тяжелые шаги. Я не двигался. Вернее, двигался одними курковыми пальцами, правым и левым. Тварь на крыше замерла, только дышала. Втягивала воздух, пытаюсь понять, жив ли я. Вынюхать меня.

Я не стал ждать, пока она это вынюхает. Я поднял Дырокол. Выстрелил.

В рубероиде образовалась дырка размером с яйцо, но свет в нее не проник, в нее потекла какая-то дрянь.

Красная.

Это меня слегка успокоило. Красная кровь – это хорошо. У всех нормальных тварей на земле кровь красная. Вроде бы.

Тварь на крыше не зарычала и вообще никак не прореа-

гировала на ранение. Даже не сдвинулась. Не шелохнулась.

Я выстрелил еще. Не попал – в дырку потек свет.

Потом сарай дрогнул, шифер принялся расслаиваться, и я понял, что сейчас на меня свалится эта шустрая штука. Я перевернулся на бок и пополз к выходу. Быстро так. Так быстро, как только можно ползать на четвереньках. О достойном отступлении стоило забыть, где ты, шевалье д'Артаньян?

За спиной железно грохнуло, зверь провалился в сарай. И в этот раз он заревел. Еще бы: напороться на «Яву» – мало приятного, я вам это уже докладывал. «Ява» эту тварь пробрала. Рев был хорош. Голодный лев, сытый крокодил, заупокойные голоса из древних английских замков, последний выдох Говарда Филиппа Лафкрафта ⁵.

Мощно и страшно.

Существо заревело, вокруг густо запахло бензином.

Я воткнулся лбом в дверь. Толкнул. Дверь держалась крепко. Я, не глядя, поднял Бертю и выстрелил два раза, наугад. Замок со звоном отскочил, дверь открылась.

За спиной загремело. Я вывалился на улицу, быстро перекатился на спину. В полумраке блестел никель «Явы», я выстрелил несколько раз, стараясь не попасть в газовый баллон.

Проскочила искра.

И почти сразу раздался взрыв. Бах – огненный шар ударил прямо мне в морду, еле глаза успел закрыть. Это бензин.

Я перекатился на спину. Из сарая вылетела похожая на

⁵ Лафкрафт Говард Филипп – американский писатель-фантаст.

громадную пантеру тварь. Она рывкнула и принялась кататься по земле, пытаясь сбить огонь со шкуры. Рыча, распространяя вокруг запах горелого мяса и шерсти. Я поднял Дырокол, но тварь обладала хорошей реакцией – не дотушившись до конца, она одним прыжком заскочила на гараж и исчезла.

Сарай пылал. Весело, злобно. Азартно, как пишется в книжках. Я пополз в сторону. Потом вскочил и побежал. Во-время. Второй взрыв был гораздо мощнее первого.

Это газ. Газовый баллон рванул. В спину ударил воздушный кулак, я в очередной раз упал. Бзынк! Перед носом воткнулся в землю развороченный «явовский» бак, мне удалось даже разглядеть свое отражение в никелированной накладке.

Я дымился.

Хороший денек получился. Вертолет, стрельба, немного чудовищ. Сирень чуть не убили, Дрюпина чуть не убили. Наверное...

Дрюпин!

Я совсем забыл про Дрюпина!

Пришлось подниматься. Хотя особо в бой я не рвался, мне бы сейчас гоголь-моголя...

Я встал на ноги, отряхнулся. Перезарядил револьверы, ругнулся от души – и вперед. Постройки вокруг разгорались. Огонь, огонь, гром. Пингвина жалко. У птиц такое слабое сердце, от всего этого с ним мог легко сделаться сердечный

удар.

Хорошо поработали...

С другой стороны, кто не делает ошибок?

Ничего, Ван Холл не обеднеет. А если даже обеднеет, я от этого не заплачу, не наложу на себя руки.

– Дрюпин! – крикнул я.

Вряд ли он услышит. Слишком много кругом шума. Но все может быть.

– Дрюпин! – крикнул я погромче.

Справа от меня из-за крыш сараев в небо ушел разряд бластера.

Дрюпин. Дрюпин цел. Вряд ли это стрелял наш четвероногий недруг. И вряд ли это стрелял пингвин.

Значит, Дрюпин. Перезарядился. Опять палит.

В очередном повороте я свернул направо.

Выстрел повторился. Только теперь стреляли не в воздух, а под углом. Разлетелся еще один сарай. Я побежал.

Впереди стреляли уже беспрерывно. И беспорядочно. Разряды разлетались по сторонам, что-то взрывалось, разваливалось, полыхало огнем. Война, не меньше. Взрыв на фабрике китайской пиротехники. Всегда говорил, что бластер – грубое оружие. Особенно если оно попадает в руки к таким истерикам, как Дрюпин. У Дрюпина там пять батарей, с ними можно разнести все вокруг. Дрюпин – это обезьяна с пулеметом.

– Дрюпин! – заорал я. – Дрюпин, прекрати палить! Ты

тут...

Стрельба оборвалась. Закончился заряд во второй батарее.

Или этот придурок застрелился.

Я побежал. Надо было спешить. Если этот баран застрелился, то действовать надо было быстро. Можно было попытаться его еще реанимировать. Если он башку себе не отстрелил, конечно.

Я пролетел мимо нескольких покосившихся гаражей и выскочил на свободное пространство. Огляделся. И увидел стрелка.

Это был не Дрюпин. И не эта тварь. И уж тем более не пингвин.

Между двумя сараями на коленях стоял мужик в перемазанном зеленым травяным соком комбинезоне. В руках он держал бластер. Лицо у него было абсолютно дурное, даже как-то съехавшее набок.

Увидев меня, этот тип поднял оружие, нажал на курок. Бластер щелкнул, выстрела не последовало.

– Батарея разрядилась, – сказал я. – Не бабахает больше. Тип уставился на оружие.

– Положи лучше, – посоветовал я. – Это опасная вещь... Мужик осторожно опустил бластер на землю.

– Ты кто? – спросил я. – Тебя же не должно тут быть...

Мужик истерически засмеялся. Потом лег на землю, обхватил голову руками и заплакал.

— Где он? — спросил я. — Где чудовище?

Мужик не отвечал, только рыдал, вздрагивая лопатками.

— Все в порядке. — Я наклонился к нему. — Скоро все кончится. Только скажи...

— Я сижу, — всхлипнул мужик. — Сижу, а оно заглядывает...

Он вскочил на четвереньки и быстро забрался в щель под сараем.

— Ты бы вылез оттуда, — сказал я. — А то тут скоро пожар начнется. Запечешься.

Я протянул руку, чтобы попытаться вытащить этого дурака, но он шарахнулся от меня, забился глубже в щель.

— Вылезай, придурок! Сторишь!

Потери среди гражданского населения были мне совершенно ни к чему, я подхватил подвернувшиеся грабли и принялся тыкать ими в этого чудлана.

— Вылезай! — приговаривал я. — Вылезай, лунатик чертов...

Он даже не сопротивлялся. Лежал, свернувшись калачиком, вздрагивал, смотрел на меня глазом испуганной белки. Еще бы. Ему, простому колхозному алконавту, явился во всей своей чудовищной мощи...

И вдруг я увидел, как изменяется лицо этого додика. И понял.

Я ушел в сторону. Упал на бок, выхватил револьверы. Оно пролетело мимо. Врубилось в сарай. Я выстрелил.

Левая пуля попала в ухо и вышла из затылка. Зверь развернулся. Правая пуля попала в пасть. Брызгами разлетелись зубы.

Зверь упал.

На всякий случай я выстрелил еще два раза.

И разглядел его получше. Вблизи он был совсем не похож на пантеру. Вблизи он был похож на... Не знаю. Варан. Гигантский красный варан. И еще что-то от волка.

– Ты убил его, – прошептал мужик. – Убил...

Я хотел сказать что-нибудь. Что-нибудь из арсенала героического юмора, но в голову ничего, кроме «Но пасаран», не пришло.

– Но пасаран, – сказал я и наклонился над зверем.

Мужик подполз.

– Кто... кто это? – спросил он.

– Разве не видно? Это василиск. «Анаболиков» слушаешь?

– Не-а...

– То-то и оно. Сидите тут как на Луне... Поздравь меня.

– С чем?

– Сегодня я убил василиска.

Глава 2. Глаза утконоса

Фауна Австралии небогата, но весьма причудлива. Сумчатые волки (на настоящих волков не похожи совершенно, какие-то худые дворняги, честное слово), сумчатые крысы (эти на настоящих похожи), кенгуру, тоже, кстати, сумчатые. Вомбат. Ехидна и утконос, они откладывают яйца в теплый донный ил, в глину и, кроме Австралии, нигде больше не водятся, такие вот привереды.

Динго, одичавшая собака австралийских каторжников.

Я долго думал и пришел к выводу, что это все-таки динго. Динго меня воспитали, они. А кто еще? Кто еще мог это сделать? Кенгуру, вомбат и уж тем более утконос этого сделать никак не могли, они себя-то толком воспитать не могут. Достаточно взглянуть на утконоса – это же готовый персонаж из фильма про то, как люди с отставаниями в умственном развитии решили построить лимонадный завод.

Погляди в глаза утконоса, тебе все станет ясно. Даун, настоящий даун.

Так вот.

Меня воспитали динго, строгие псы австралийских пустынь.

А началось все давно, еще в две тысячи первом.

Две тысячи первый год запомнился неконтролируемым ростом цен на нефть, эскалацией конфликта на Ближнем Во-

стоке, массовым самоубийством гренландских китов, затоплением космической станции «Мир» и загадочной катастрофой трансконтинентального суперсона «Дельта 57».

Китов жалко, станцию «Мир» не вернуть, о «Дельте-57» поговорим подробнее.

Лайнер, выполнявший рейс Сиэтл – Канберра, исчез с экранов радаров в двадцать шесть по времени Сиднея. Через час спасательный вертолет обнаружил обломки в семидесяти милях севернее Элис-Спрингс. Двести двадцать три человека, пассажиры и члены экипажа, погибли. Двести двадцать четвертый пассажир, трехмесячный ребенок мужского пола, исчез. Его останков не было найдено, комиссия посчитала ребенка пропавшим без вести, его файлу присвоили статус «временно закрытого». Шансов, что мальчик остался в живых, практически не было.

Редкие оптимисты говорили, что организм младенца пластичен, что зафиксированы случаи выживания при падении с десяти и даже с одиннадцати километров, что, вполне может быть, ему удалось спланировать, зацепившись за кусок обшивки...

Пессимисты улыбались и говорили, что тело не нашли только потому, что его унесли динго, их в том районе много. Официальной причиной катастрофы был назван отказ гидравлических систем самолета.

На месте крушения поставили мемориальный комплекс. Через месяц история получила неожиданное продолже-

ние. На одном из уфологических сайтов были опубликованы материалы расшифровки черных ящиков суперсона. Из которых становилось ясно, что в двадцать двенадцать по австралийскому времени пилоты лайнера заметили идущий параллельным курсом объект, по форме напоминавший тороид. Штурман остроумно заметил, что за долгие годы практики летающие тарелки ему видеть приходилось, летающий бублик же он видит впервые...

В двадцать пятнадцать бублик резко взял на сближение. Пилоты, пытаясь избежать столкновения, произвели маневр уклонения. Однако, судя по тому, что в двадцать шестнадцать приборы регистрировали разгерметизацию салона, можно предположить, что столкновения избежать не удалось.

Произошло это на высоте приблизительно восьми тысяч метров.

Тот факт, что среди обломков не было обнаружено останков младенца, позволил предполагать, что имело место так называемое Изъятие. То есть похищение человека с борта самолета посредством инопланетного вторжения.

Прошли годы, и в одно из почтовых отделений Мельбурна вошел мальчик в странной, отливающей металлом одежде...

Красиво.

Но неправда.

Это не моя история, эту историю я прочитал в журнале «Intruder».

Прочитал, вырезал и спрятал в папку с буквой «Я» на обложке. В этой папке у меня хранилось уже изрядное количество историй, достойных моего прошлого. Про похищенных в детстве английских лордов, воспитанных простыми албанскими пастухами. Про детей миллионеров, забытых родителями в торговых центрах, а потом ставших компьютерными гениями. Про ребят, от которых отказались родители, а потом у этих ребят прорезались сверхъестественные способности, они стали лечить наложением рук и вылечили своих раскаявшихся родителей от гепатита.

Много еще чего можно выбрать. Когда придет время, я открою свою папку и выберу себе прошлое, которое мне понравится. То, где я вхожу в почтовое отделение Мельбурна в блестящей одежде, отливающей металлом, мне нравится. Конечно, я предпочел бы войти в почтовое отделение где-нибудь в районе Лимы или на крайний случай Арекипы, но в тех районах в две тысячи первом году не разбивался ни один суперсоник, там даже автобусы и те не переворачивались. Баржа какая-то затонула, с углем, но это, согласитесь, не то. Спасти после катастрофы угольной баржи – уныло, низкий стиль. Случай с австралийским лайнером – единственный подходящий.

Как раз для меня.

Потому, что я не знаю, кто я. Откуда я. Кем были мои родители. В том, что они не были простыми бродягами, я ничуть не сомневался. Билеты на суперсоник стоят немало –

это раз. И когда я гляжу в зеркало, я вижу в нем не круглую морду уроженца Сольвычегодска, я вижу подбородок с ямочкой и благородную бледность, что свидетельствует в пользу моего непростого происхождения. Это два. А три...

Три. Мой IQ 180. Это говорит о хорошем генетическом наборе, это говорит о редком генетическом наборе, такие наборы на дороге не валяются.

Да, безусловно, это я тогда вошел в почтовое отделение Мельбурна в отливающей металлом одежде.

Типичная история. Мистер Ха, граф Монте Кристо N-ского уезда. Хорошее имя.

У меня тоже есть имя, и оно тоже ненастоящее. Его мне дали в спецприюте «Гнездышко Бурылина», где я прожил два года. Имя дали, список фамилий предложили.

Велосипедов.

Шпренглер.

Неизвестный.

Быстраков.

Зав. отделом регистраций у нас был человек с фантазией, хотя несколько и нездоровой. Я спросил у него, а можно взять двойную фамилию. Быстраков-Неизвестный, к примеру? Или Шпренглер-Быстраков, тоже неплохо. Зав сказал, что мы не в Кот-д'Ивуаре, фамилию принято выбирать одинарную, к тому же почерк у него крупный, так что в строку только одинарные входят.

Я сказал, что мне все равно, ткнул в список пальцем, рас-

писался в нужной графе.

То, что было до спецприюта, и фамилию в том числе, я не помню. Амнезия. Седой говорит, что скорее всего это последствия травмы головы – от затылка до правого уха у меня идет глубокий заросший шрам. Борозда. Но мне кажется, что не помню я совсем не из-за шрама, шрам-то старый. Я не помню по какой-то другой причине.

Когда я жил в детском доме, моих родителей пытались отыскать, таковы правила. А вдруг где-нибудь там, на далекой Канзасчине тоскует пожилая пара с хорошим достатком, потерявшая свое любимое чадо? Но не отыскиали. Ни на Канзасчине, ни в Тамбовской губернии, ни где-либо еще. Почему-то не отыскиали.

Я не очень расстроился, я привык. Когда ты всю жизнь один, то привыкаешь. И не надеешься на встречу.

Так я думал. Но потом понял, что совсем я не привык. Не привык.

Потому что не было никакой пожилой пары, забывшей своего позднего талантливого ребенка в супермаркете. Не было. И Канзасчины тоже не было. Были скоты, вышвырнувшие своего сына на помойку! Они меня вышвырнули, я в этом ничуть не сомневался! Вышвырнули. К тому, что тебя вышвырнули, привыкнуть нельзя!

И на встречу я тоже надеялся. Очень. Надо же плюнуть в глаза этим тварям!

Смотришь телик, кино про какого-нибудь там сироту ка-

занского. Мать его кинула в трехлетнем возрасте, потому что дрянь была, собой занималась, а он вырос, стал миллионером и родительницу свою благодетельствовал с ног до головы. И слезы лил еще на ее могиле: прощай, мама, ты навсегда останешься в моем сердце...

Не могу! Такие фильмы меня просто бесят! Я в экран плюю! Долой всепрощение, не надо никому ничего прощать! Я никому ничего не прощаю! Никому! Ненавижу. Ненавижу их! Они меня бросили. Как старый башмак. Как тряпку. Некоторые котят утопить не могут, объявления в газете помещают – «отдам котят в хорошие руки», а они меня бросили, не захотели даже в хорошие руки!

Я жду встречи. Я бы прекрасно с ними встретился. Они бы вздрогнули. Они попробовали бы побежать, тараканы поганые! Они попробовали бы объяснить...

Не стал бы слушать.

Я не стал бы их слушать, я сделал бы им больно. Чтобы почувствовали. Чтобы поняли.

А потом, перед тем как уйти, я спросил бы их. Спросил бы.

Имя.

Хочу знать, как меня зовут. По-настоящему.

Каждый имеет право на имя.

Вот так. Вот такой беспощад.

А вообще-то два года, проведенные в детском доме «Гнездышко Бурылина», были лучшими годами в моей жизни. По-

тому что других годов я просто не помню.

Может, это к лучшему.

А тогда, в конце двух лет пребывания в дружелюбных объятиях купца и мецената Бурылина, был четверг и подавали рыбу с польским соусом. Польский соус в исполнении приютского повара выглядел так: рубленые яйца в бульонном кубике. Причем «рубленые яйца» рублены прямо со скорлупой. Ненавижу Польшу. Чехия дала миру пиво, Румыния графа Дракулу. А Польша польский соус.

Хотя нет, еще С. Лема.

Помню, я счистил соус с рыбы и уже собрался оценить вкусовые качества жареного терпуга, как вдруг ко мне подсел директор. Велел зайти к себе в кабинет после обеда. То есть вместо обеда. На серьезную беседу. Я кивнул. Вообще-то мне жареный терпуг гораздо дороже любой серьезной беседы, поэтому, прежде чем подняться к начальству, я с этим терпугом расправился. Потом уже поднялся в кабинет.

Директор сидел за столом и нервно перебирал в ладони китайские успокоительные шары. Инь и ян, туда-сюда, вместе бесконечность. Рядом с директором стоял высокий, представительный и нервный чувак, здорово смахивающий на вербовщика в Иностранный легион.

Но я почти сразу понял, что этот не вербовщик. Вербовщики всегда были одеты в дешево-аккуратные костюмы, а у этого костюм был аккуратно-очень-дорогой. И вообще он выглядел дорого. Лаковые туфли, перстень с изумрудом ка-

рат в пять, галстучная булавка из белого золота, седые волосы. Рубашка тоже не на помойке найдена.

Гость посмотрел на меня и принялся изучать папку с файлами. Изучал минуты три и не очень внимательно, из чего я заключил, что с моими данными он вполне знаком.

Тем лучше.

– Каковы планы на будущее? – спросил Седой, захлопнув папку.

Тогда я не знал, что он на самом деле Седой. Но как еще можно назвать чувака с такими ярко-седыми волосами? Только Седой.

– Планы мои просты, – ответил я. – Выпущусь с достойными отметками, возьму в аренду пару га земли, буду разводить страусов. Мясо страусов богато минералами и питательными веществами. Вы не пробовали?

– Нет, – ответил Седой.

– Вот видите. И я тоже. Весь мир ест страусятину, одни мы как собаки какие-то. Именно поэтому еще в восемь лет я дал себе клятву, что каждый житель нашей многострадальной страны будет иметь к обеду фунт свежей страусятины!

– Так, кажется, Наполеон говорил, – сказал Седой. – Только он обещал каждому французу по курице...

– Времена меняются, меняются и масштабы, – сказал я. – Курицы нынче не актуальны, актуален кулинарный фьюжн...

– Фьюжн? – не понял Седой.

– Он у нас очень умный, – пояснил директор. – Чересчур

умный. В прошлом месяце украл у меня запонки и часы.

— Я же вернул, — напомнил я. — И это было все тренировки ради, не наживы для...

Директор мелко хихикнул. Седой машинально пощупал себя за запястья.

— Вообще-то он смирный, — сказал директор. — Большую часть времени...

Директор потрогал левое ухо.

Ухо ему сломал тоже я. Между прочим. А он сам виноват, нечего подлость в себе культивировать. Однажды я вел дневник. Такой вот дурачина, вел дневник. Забавно, по-английски «дневник» звучит как «дайери». Кажется. Очень похоже на диарею — болезнь расслабления желудочно-кишечного тракта. И это неслучайно. Человек расслабляет в дневнике желудочно-кишечный тракт своей души, а это может быть чревато.

Вот я. Вел я дневник почти два месяца. Даже не дневник, а так, записи кое-какие прижизненные, чтобы не позабыть при случае. Ну да, дурило, но так бывает. И как-то раз заглянул в свою тумбочку, решил поделиться переживаниями с самым верным другом. Заглянул, сдвинул потайную стенку, а там моя диарея. А стоит эта диарея не лицом ко мне, как раз другим местом, как раз подходящим.

Я, конечно, параноик, но перед от непереда отличу легко. Все ясно было. Дятлов везде полно, переснял кто-то мою диарею на высококачественное цифровое фото и передал в

компетентные инстанции.

К ведению дневника я охладел, а где-то через неделю после диарейного переворота меня вдруг ни с того ни с сего стали таскать к нашему психологу. Обычно всех раз в месяц таскали, а то и реже, а меня прямо каждую неделю, зачастил я к психологу, короче. И каждый раз он выдавал мне целую простыню с подковыристыми вопросами.

Любите ли вы пельмени? Когда вы видите лягушку, что вам хочется предпринять? Какие у вас заветные желания? Вы не помните, как вас зовут? Что бы вы сделали со своими родителями, если бы встретили их?

Пятьсот вопросов и каждый семнадцатый про то, что я бы сделал с папой и мамой. Мания какая-то просто.

В конце концов мне это надоело, и я сказал, что на самом деле я хочу с ними сделать. По пунктам. Только вот жаль, что найти их нельзя. Я бы много дал, чтобы их найти, руки бы не пожалел, честное слово.

И, чтобы не быть голословным, я стал эту руку отгрызать. Левую, в районе локтя. Психолог сначала за огнетушитель схватился, затем за директором побежал. Директор спустился довольно быстро.

Тогда я вообще в разболтанных нервах был, уже полруки почти отгрыз. А как увидел директора, он еще с такой наглой рожей пришел, в каждом глазе по два Макаренко, всего четыре, я сразу понял, кто заказал мой дневник, ну и прыгнул.

А так и надо. Он прочитал мой дневник, я сломал ему ухо,

все честно.

Директор, кстати, не сильно обиделся, в милицию сообщать не стал. Сообщил в психушку. В результате чего я некоторое время клеил коробочки в компании с настоящими психами в лечебнице. Было тоскливо. Не то чтобы дурачки меня очень уж угнетали, нет, просто кормили только манной кашей и иногда макаронами. Такая пища разрушает мозг.

Я разрушал мозг почти два месяца, потом вернулся в «Гнездышко Бурылина». Директор долго беседовал со мной, зачитывал цитаты из работ великих педагогов и опасно поглядывал на мои кулаки. Но я был смиренен, как овечка зимой.

После того случая у нас с директором не было проблем. Почти. Во всяком случае, больше мы не дрались.

– А вообще паренек способный. – Директор снова потер ухо. – Талантливый такой...

Ухо, кстати, стало у него гораздо красивее, перелом придал ему вид свернувшейся на солнце амбистомы ⁶, что интриговало, будоражило мысль.

– У него самые высокие результаты...

– Да-да, – Седой кивнул. – Отличные, действительно, характеристики. А как насчет родителей?

Директор пожал плечами, как бы говоря о том, что родителей у меня нема.

– Вот и отлично. – Седой хлопнул в ладоши. – Вернее, это,

⁶ Амбистома – земноводное.

конечно, не отлично, у каждого должны быть родители. Но если так уж случилось, что у тебя их нет... Кстати, как у тебя с физкультурой и спортом?

– Он у нас просто Геркулес! – вставил директор. – Подтягивается, кросс бегает. А ловкость какая! Просто поразительная...

Директор поморщился.

– Это очень хорошо, – Седой бросил папку на стол. – Теперь я хочу поговорить... Тет-а-тет, так сказать.

Директор послушно закивал и выскочил из кабинета. Я дотянулся до книжного шкафа, толкнул в сторону переднюю панель. За панелью открылся бар.

Бар был роскошен. Директор ревизовал его каждый день после работы, про это все знали. Говорили, что кроме выпивки в баре хранятся еще несметные запасы дорогого шоколада. Правда, добраться до этого шоколада пока никому не удавалось. Я был первым.

– Ого! – сказал Седой. – Куда уходят бюджетные деньги... Коньяк есть?

Коньяк был. Седой налил себе стакан, достал лимон, протер его о рукав. Хлопнул целый стакан, как от яблока, откусил от лимона.

– Армянский, между прочим. Надо позвонить президенту, сказать, что директора детских домов живут чересчур хорошо.

– О кадрах надо заботиться, – сказал я. – Кадры решают

все.

– А это Сталин сказал, – прокомментировал Седой. – Ты действительно эрудированный мальчик...

Он налил себе еще коньяку.

– Умная, умная молодежь растет... А я в твои годы думал, что рольмопс – это порода собак...

Седой опрокинул стакан.

– А ты? – спросил Седой и с подозрением кивнул в сторону бара.

– Я не пью пока. По причине юности лет и общей укоризны. А вообще...

Я достал из бара набор с немецким яичным ликером. К ликеру прилагались орешки в карамели и специальные стаканчики из швейцарского шоколада. Ходили легенды, что этот набор директору подарила сама канцлер Германии, когда приезжала поохотиться в наших местах на боровую дичь. Я распотрошил коробку, вытащил пять стаканчиков и съел. Швейцарский шоколад был действительно хорош. Миндаль в карамели тоже.

– Итак, – сказал я, расправившись с шоколадом и орехами, – и что же вам от меня нужно?

Седой на секунду замялся.

– Правительство при участии крупного бизнеса запускает совершенно новый научный проект, – сказал он негромко. – Предлагаю в нем поучаствовать.

Так я, в общем-то, и знал. Слухи про такие делишки хо-

дили уже давно. По вечерам детдомовский народец собирался возле бака с водой, цедил кипяченку и травил страшные байки. Много разных. Например, про то, что будто бы воспитанников приютов используют в разных экспериментах. Испытывают на них системы безопасности люксовых автомобилей, новые лекарства, тестируют фильмы и компьютерные игры.

– И что надо делать? – спросил я Седого, наполняя карманы шоколадом. – Какую-нибудь дрянь синтетическую глотать?

– Совсем нет, – покачал головой Седой. – Очень интересная работа. Творческая. Сначала тренировки, потом задания по всему свету...

– Промышленный шпионаж?

– А какая разница?

А какая разница, спросил Седой.

– К тому же у тебя небогатый выбор, – продолжил он. – Хочешь, почитаю?

Он открыл мою папку и принялся читать скрипучим казенным голосом.

– Ввиду неуравновешенного, крайне эгоистичного характера уровень социальной опасности чрезвычайно высок. Агрессивен. Показана изоляция в учреждениях специального типа... В учреждениях специального типа. Ясно?

– Ясно, – сказал я. – Чего тут неясного?

Седой закрыл папку.

– Твой прямой начальник, – Седой ткнул пальцем в сторону двери, – в приватной беседе признался, что не собирается терпеть тебя долго в этих гостеприимных стенах. Еще одна выходка – и он отправит тебя...

– В учреждения специального типа, – закончил я. – Узрите ли меня в сиянии лучей...

– Совершенно верно, – счастливо улыбнулся Седой. – В сиянии или не в сиянии, но туда. Сгибать скрепки, соединять тетрадки, мало ли достойной работы?

– А если я...

– Сбежать не удастся, – теперь уже Седой закончил мою мысль.

– Вам не стыдно? – спросил я. – Не стыдно шантажировать несчастного сироту? Взрослый дядя, а ведете себя как Пиночет какой-то, честное слово...

– Не стыдно, – ответил Седой и радостно рассмеялся. – К тому же ты не такой уж и безобидный.

Седой постучал пальцем по папке.

– Угон без цели хищения, кража, нанесение телесных повреждений, драки не считаем, по мелочи еще. И это только за последние два года. Послужной список хоть куда. Так что... Я даю тебе две минуты, чтобы подумать.

Я подумал. Мне даже не понадобилось двух минут.

И еще через два года и пятьдесят восемь дней после беседы в кабинете директора детского спецприюта «Гнездышко Бурылина» меня едва не прибил красный звероящер.

А через два года и пятьдесят девять дней я сидел в зале для брифингов, смотрел, как Седой стучит по столу ключом. Лоску в Седом за прошедшие два года поубавилось.

Глава 3. Киборги не воняют

– Это недопустимо! – кричит Седой и бьет ключом по столу. – Это просто недопустимо!

Разбор полетов. Я, Дрюпин и Сирень сидим на неудобных железных стульях. Перед нами на таких же неудобных стульях за столом сидят Седой, Варгас, командир десантников Гришин. Варгас и Гришин втихаря играют в «камень, ножницы, бумага», Седой распекает нас, размахивая руками.

Сбоку большой экран. На экране демонстрируется фильм про наши вчерашние приключения. Снято сверху, наверное с беспилотного вертолета. Я вижу себя. Я крадусь вдоль гаража с револьверами в руках. У меня глупо-свиное выражение лица, вот уж никогда не думал, что я хожу по миру с таким лицом. Надо над собой работать.

– Вчерашние испытания показали, что вы совершенно не готовы! – почти визжит Седой. – Мало того, что вы чуть не снесли с лица земли населенный пункт, так вы чуть не погибли сами!

И снова ключом по столу.

– Не надо обобщать, – встречаю я. – Это они чуть не погибли сами! Я не только выжил, я одержал победу. Я пристрелил...

– Вы совершили несколько серьезных ошибок, – мягко перебивает меня Варгас. – Начнем с тебя, Сирень...

Я не слушаю Варгаса, я не слушаю Седого. Мне неинтересно.

Я думаю.

Думаю. Какое бы имя мне пошло. Пойдет в смысле. Вот взять букву, к примеру, «Р». Много славных имен. Ричмонд. Рихард, как у Зорге или у Вагнера. Румпельштицхен, это не помню точно у кого, только вот длинное очень. Роланд, это слишком по-древнему, «Песнь о Роланде», ну и все эти рыцарские штуки. К тому же сокращенное от Роланда, наверное, Ролик, а это как-то по-киношному. Рогволд, Роман, тоже все не то...

Кто-то, кажется Дрюпин, почему-то хихикает. Почему...

– Не вижу ничего смешного! – рявкнул Седой особенно громко. – Мы говорим о серьезнейших вещах, а вы тут похохатываете! Весь Проект под угрозой!

– Если бы вы нам сразу сказали про эту тварь, мы бы смогли подготовиться! – злобно сказал Дрюпин. – Если бы на вас вывалилось такое чудовище, посмотрел бы я на вас!

– Вы должны быть готовы ко всему! – цельнометаллическим голосом заявил Гришин. – В любой обстановке, в любых условиях! Для этого вас и тренируют! Между прочим.

Варгас согласно закивал, достал сигару и с большим наслаждением закурил. Седой посмотрел на него с неодобрением, отмахнулся от дыма, скосил глаза на Сирень, но спорить не стал, махнул рукой.

– Я считаю, – Седой снова посмотрел на Варгаса, – я счи-

таю, и это согласовано с верховным командованием, что тренировки надо усилить. Сократить часы по общей подготовке и сделать акцент на боевых дисциплинах и тактике. Как вы считаете?

Но что считал Варгас, мы так и не узнали. У Седого заработала рация. Он вздрогнул и нервно приложил к уху аппаратик. Слушал меньше минуты, потом покраснел и нашел свирепым взглядом Дрюпина.

Дрюпин съежился. Стало так тихо, что я слышал, как потрескивает смакуемая Варгасом сигара. Потом Седой завопил:

– Дрюпин! Опять твой пес убежал! Сколько можно, Дрюпин! Ван Холл приезжает, а ты!

– А чего я-то? – вскинулся Дрюпин. – Я не виноват, сегодня электромагнитные бури. А он программно неустойчив, схемы еще не до конца проработаны, вы же сами не финансируете...

– Яблочко от яблоньки, – шепнул я.

– Ты на что намекаешь? – насупился Дрюпин.

– Напекаю на то, что ты, мой безрадостный Дрюмпинг...

– Может, хватит собачиться? – спросила Сирень.

– Верно, – сказал Седой. – Хватит. Найдите его, пока он не разнес нам всю базу. За каждый поломанный стул я вычту из твоего жалованья. Изобретатель...

Я не смог удержаться, злорадно хихикнул.

– И из твоего тоже!

Седой повернулся ко мне.

– А я при чем? Значит, какой-то там побочный внук Кулибина, отягощенный поколениями дурной наследственностью, будет...

– Кто это тут отягощен дурной наследственностью? – Дрюпин принялся переводить стрелки. – А кто в прошлом месяце прострелил...

– Чего вы сидите, олухи? – уже простонал Седой. – А ну, марш отсюда! Идите ловите эту скотину! Я хочу, чтобы через час она уже сидела на цепи.

Мы дружно вскочили с мест и выбежали из зала.

– Радуйся, Дрюпин, – сказал я, когда мы шагали по коридору. – Теперь твоего пса точно демонтируют. Переделают в грильницу. Я буду каждый день готовить в ней печеного дятла и подавать тебе под томатным соусом. В качестве напоминания о безответственности...

– Не каркай, – сказал Дрюпин и побежал по коридору вперед.

– Почему ты такая гадина? – спросила меня Сирень.

– Потому что ананас, – ответил я.

Сирень не ответила, припустила вслед за Дрюпиным.

– А нечего всякую фигню придумывать! – крикнул я им вслед. – Ромео и Джульетта...

А вообще кучка идиотов, конечно. Сирень и Дрюпин особенно. Читают американскую science fiction ⁷, создают недо-

⁷ Science fiction (англ.) – научная фантастика.

деланных механических собак, я потом должен их отлавливать. Да, да, механический пес по кличке Сим недоделан. Причем во всех смыслах этого слова.

У Сима нет ни шкуры, ни хвоста. Дрюпин не успел их смонтировать. Руки у него не дошли. У такого свина и раздолбая руки все время не доходили до разных вещей. Из-за этого раздолбайства Сим выглядел совершенно голым. Но красивым. Блестящим и полированным.

Кстати, у Сима нет мозгов.

Во всяком случае, мне так кажется. Мозги Дрюпин монтировал, но недомонтировал. Поэтому даже на самые простые просьбы Сим реагирует странно. Допустим, Дрюпин просил его сесть. Вместо этого Сим разбежался и стучался в стену. В не предназначенных для таких происшествий стенах оставались большие дыры, и приходилось вызывать рабочих.

Просить принести что-то у Сима было бесполезно: приносить-то он приносил, но всегда в располовиненном состоянии – Дрюпин никак не мог отрегулировать мощность прикуса, и Сим легко ломал все, что угодно, от карандаша до ручного противотанкового гранатомета.

Кроме всего прочего, у кибернетического пса открылась одна скверная привычка. Сим пристрастился бродить по блоку, заходить в лаборатории, склады, жилые помещения и в другие места. И паяться. Что очень нервировало персонал базы.

Дело в том, что в связи с общей нехваткой времени Дрю-

пин не успел смонтировать Симу глазные биомодули, так что вместо глаз у киберпса были мощные видеокамеры, забранные для безопасности толстыми стеклами. Красного цвета. Поэтому, когда Сим забирался в физическую лабораторию и принимался пялиться на лаборантов, проводящих там свои садистские опыты, лаборанты начинали палить процессоры и ронять колбы в ускорители. Лаборанты жаловались.

А месяц назад у Сима случился первый закидон.

У пса сорвался внутренний таймер, и он отправился бродить по блоку в ночное время. Возможно, сбился не только таймер, возможно, это была злая воля его электронного мозга – но так или иначе Сим пробрался на жилой уровень и забрел в один из боксов.

В боксе два дизайнера играли в карты. Сим забрался на табуретку рядом со столиком и стал наблюдать за игрой.

Игроки под пристальным взглядом красных глаз скукожились и решили закончить партию по-быстрому, но Сим выразил неодобрение такой халтурой и угрожающе зарычал. Картежники взялись за игру всерьез. За первой партией последовала вторая, затем третья и так далее. И за каждой пристрасно наблюдал Сим.

Когда утром дизайнеры не вышли на работу, охрана всполошилась. Дизайнеров нашли и с психологическим истощением отправили на Большую землю. Узнав про это, Ван Холл долго смеялся и даже выделил на доработку собаки дополнительные ассигнования. Только Дрюпин так и не смог их тол-

ком освоить, поскольку ему поручили дизайн низкого парашюта с высотой раскрытия до тридцати метров. Вот Сим так и остался малоуправляемым. «Симуляцией собаки», как гордо называл свое творение Дрюпин, он отнюдь не являлся.

И вот как раз в день разбора полетов Сим сорвался в очередной раз.

Не скажу, что охота на киберпса доставляла мне удовольствие. Но, во-первых, его действительно надо было поймать, а во-вторых, мне совершенно не хотелось выслушивать распекания Седого. Лучше охотиться на сумасшедшую собаку. Развеешься хоть немного.

Я сходил к себе за оружием, съел сушеный банан, наполнил мышцы быстрой глюкозой. Зарядил револьверы. Дырокол зарядил обычными, Берту кумулятивными. Кевларовый собачий лоб можно взять лишь таким.

Нацепил бронежилет – челюсти у Сима мощные, я уже говорил. Однажды я кинул в него свой супербулат, так пес просто поймал его зубами и притащил мне обратно. Обычную собаку располосовало бы, а Симу хоть бы что, как новенький.

Прихватил аптечку.

Дрюпин и Сирень деловито пробежали мимо меня в сторону перехода в соседний блок. Со мной даже словом не обмолвились – хамы, настоящие хамы. Я одинок, как последний из могикан, слезы, слезы в моей душе, вот так-то.

В научном блоке немножко суетились. Ничего, полезно

кровь им взбодрить. В подвал я не пошел, вряд ли Сим направился туда сразу. Зная его любовь к всевозможным лаборантишкам и другому мелкому научному персоналу, я отправился на этаж ниже. Где вся эта публика обитала.

И не ошибся. Прямо возле лестницы на меня наткнулся волосатый научный раб, перемазанный арахисовым маслом. Он вцепился в рукав и, заикаясь, сообщил, что около двадцати минут назад в его комнату ввалилось всем известное металлическое собакообразное чудовище и терроризировало его, отобрав бутерброд, а самого загнав на письменный стол.

– Он на меня так смотрел! – добавил лаборант.

И всхлипнул.

– Не бойся, друг, – сказал я. – Я найду его, и он ответит за свои преступления перед народом! Номер комнаты?

– Пятнадцать. Номер пятнадцать.

– Бутерброд вернуть?

– Какой? – не понял лаборант.

Комната лаборанта располагалась в самом конце этажа. Дверь была распахнута, верхняя петля чуть погнута. Я сразу же заметил Сима. Он бродил по столу, подбирал бумагу, задумчиво рвал ее зубами, пережевывал. Вместе с бумагой он пережевывал карандаши, маркеры, ластики, файлы, другие ценные канцелярские принадлежности. Но, как я заметил, предпочтение Сим отдавал все-таки бумаге.

Из-за моего плеча выскочил пострадавший лаборант. Он

завопил, что это документация на новый вид какой-то там хитроумной супергайки, и бросился спасать свои бесценные бумаги, громко крича и расставляя руки в стороны. Сим спрыгнул со стола. Я предполагал, что Сим оттяпает лаборанту, по крайней мере, ногу, но он оказался настоящим пацифистом. Он просто боднул лаборанта в колено своим кевларовым лбом. Тот свалился, а Сим выскочил в коридор и, гремя железными лапами, припустил в сторону второй лестницы.

– Стой, Сим! – услышал я Дрюпина.

Но Сим не хотел стоять. Проигнорировав призывы своего создателя, он ткнул дверь и исчез.

Лаборант ныл, потирая колено, но я быстро его утешил, сообщив, что обычно Сим разрывает противника в мелкие клочья. Причем делает это абсолютно хладнокровно, поскольку крови вообще не имеет. И не далее чем на прошлой неделе Сим, наблюдая за партией в китайскую народную игру го, откусил одному игроку ухо – всего лишь за то, что тот решил оспорить результат.

Лаборант мгновенно излечился от коленного недуга и принялся собирать по полу остатки своей макулатуры.

Я подумал, что, скорее всего, разгромив лаборантскую келью и удовлетворив первичный разрушенческий голод, Сим покатился вниз, на технические и научные этажи базы. Где можно было развернуться по-крупному. Туда отправился и я.

Возле первой лестницы меня поджидал Дрюпин. Дрюпин был невооружен, но бронежилет нацепил.

– Не слушается собачка? – ухмыльнулся я.

Дрюпин промолчал.

– Как жалко выглядит творец, убоявшийся своего творения, – сказал я. – Дрюпин, ты просто доктор Франкенштейн какой-то... Его, кстати, кажется, Витей звали? Кстати, помнишь, чем он кончил?

– Помню, – буркнул Дрюпин. – Но там ведь все совсем по-другому было... И я не Витя...

– Не будем спорить, Витя, – перебил его я. – Скажи лучше, где подруга дней?

– Вниз пошла. Она решила...

– А ты чего не пошел? Чего ждешь?

– Тебя. Я хотел тебя предупредить. Три дня назад я работал...

– Неужели? – усмехнулся я. – Ты – работал?

– Я работал с Симом, и это... я случайно активизировал ему...

– Что?

– Пищевые и охотничьи рефлексы... – вздохнул Дрюпин.

– Молодец. – Я похлопал его по плечу. – Хорошо бы он сожрал Седого. Или лучше Ван Холла. Или еще кого из всей этой компании. А лучше бы он всех вас сожрал – вы, блевотчики, так мне надоели... А вообще все это, конечно, уныло. База огромная, пять блоков обыскать... Неделю будем по ка-

нализации ползать.

– Не будем.

И Дрюпин предъявил мне очередное свое изобретение – захватил-таки что-то. Очередную коробочку с экраном.

– Дрюпин, иногда ты меня просто удручаешь. Ты что-нибудь полезное бы изобрел, соковыжималку для березового сока...

– В прошлый раз с локатором не покатило. – Дрюпин нажал на кнопку. – Но в этот раз все будет нормально...

– Ты сказал, что активизировал охотничьи инстинкты...

– Рефлексы. Охотничьи и пищевые... Это значит, что он...

– Он пойдет охотиться, – сказал я. – Охотиться в подвал. Эта... мисс Гениальность отправилась туда?

– Туда. А я хотел тебя предупредить...

– Молодец. – Я снова похлопал его по плечу. – Кто предупрежден, тот вооружен. Поражаюсь твоей предусмотрительности, Дрюпин. Послать вперед Сирень – это мудро!

– Да я не посылал, она сама...

– Ты настоящий джентльмен, Дрюпин. Всегда пропускаешь даму вперед. Так держать.

Я пинком отворил дверь на лестницу, и мы побежали вниз. В подвал. До подвала было еще целых три этажа. И...

– Он идет в биологическую лабораторию, – сказал Дрюпин, взглянув на свой локатор. – Зачем он туда? Ну, да, понятно...

Охотничьи инстинкты.

Мне стало смешно. Насколько я знал, в лаборатории, кроме мух-дрозофилл и мелких ящериц-гекконов, другой живности не было. Ловить там особо нечего, так уж повелось. Но когда мы добрались до биологического крыла, желание веселиться как-то пропало.

– Ой, – прошептал Дрюпин.

Персонал лаборатории корпоративно висел на стеллажах, половина оборудования, все эти стеклянные и железные электронные штуковины, была опрокинута и перебита, аквариумы валялись на полу. Гекконы все дружно забрались на потолок и весьма равнодушно взирали оттуда на киберпесовы проделки. Дрозофиллы же, напротив, кружились вокруг Сима – по пути он умудрился где-то вляпаться в абрикосовое варенье, и мухи, привлеченные любопытным сладким запахом, барражировали над ним, как бомбардировщики.

Сим мух исправно хватал, давил и складировал у передних лап, в результате чего перед ним скопилась весьма неаппетитная горка дохлых насекомых. Но мух было много, они стремились и стремились к Симу, а он их давил, давил и, судя по упрямому красному блеску в глазах, останавливаться не собирался.

Дрюпин велел ему немедленно прекратить этот мушиный геноцид, напомнив, что мухи-дрозофиллы весьма полезные научные насекомые, им даже памятник где-то поставлен, питательная же их ценность, равно как и ценность охотничья,

весьма невелика.

– Сим, детка, иди сюда, – позвал Дрюпин.

– Давай его просто пристрелим, – предложил я. – Мне кажется, он не реагирует...

Я достал Берту. С кумулятивными зарядами.

– Погоди, – перехватил мою руку Дрюпин.

– Чего годить-то?

– Ты что, думаешь, я его для собственного удовольствия сделал? Мне его сам Ван Холл заказал.

– Ван Холл?

– Ага! – подтвердил Дрюпин. – Ван Холл. Так что пистолеты эти свои брось, не на стрельбище.

Сим перестал давить мух и наклонил голову вбок, будто прислушиваясь. Потом неожиданно сорвался с места, юркнул мимо меня в коридор и продолжил свое путешествие.

Научные работники с облегчением попадали со стеллажей.

– Придется прибегнуть к крайним мерам, – сказал Дрюпин и достал из кармана парализатор.

У Дрюпина всегда что-то есть в кармане. Изобретатель.

– Осторожнее с этой штукой, – посоветовал я. – Она неприцельно бьет...

– Знаю, – злобно буркнул Дрюпин.

Мы снова выбрались на лестницу.

Судя по локатору, Сим отправился на склад, это нулевой уровень.

Дела на складе обстояли неважно. Пригодных в пищу вещей там хранилось в избытке. Сим сидел на контейнере с дорогим чаем «Красный Мао» и перемалывал копченую колбасу и сушеных куриц. Колбаса и курицы, по обыкновению, вываливались у него из-под нижней челюсти и падали на пол. Я подумал, что Сима можно прекрасно использовать в качестве мясорубки.

Сирени видно не было, и это меня насторожило. Я опасался, что она решила реабилитироваться за провал с красным волком и теперь собирается устроить какую-нибудь героическую засаду. Со стрельбой, демонстрацией боевых доблестей и выставлением меня дураком. Поэтому я спросил Дрюпина:

- У тебя на локаторе что видно?
- Только его, – Дрюпин указал на Сима.
- А где Сирень?
- Не знаю... Наверное, к змеям пошла...
- Родственные души, – пробормотал я.
- Чего? – не расслышал Дрюпин.
- Стреляй из парализатора, вот чего.
- Надо поближе подойти...

Дрюпин стал подкрадываться поближе.

Сим тем временем, покончив с колбасой и курятиной, приступил к железным банкам с ананасовым компотом. Банки лопались, брызгая соком, в воздухе пахло жестью и тропиками.

- Поспешి, Дрюпин, а то у тебя из жалованья еще за ком-

пот вычтут.

Дрюпин поспешил. Он приблизился на достаточное расстояние, вздохнул еще раз, вытащил парализатор и выстрелил.

Промазал, конечно.

Сим проследил за пролетевшим над головой лучом, спрыгнул с «Красного Мао», вышиб башкой вентиляционную решетку и нырнул в трубу. Дрюпин радостно засмеялся, сказав, что его машина прекрасно реагирует на угрозу, это, мол, большое достижение.

– Напрасно веселишься, – сказал я. – Вентиляция выходит в подвалы. Дрюмпинг, ты знаешь, сколько стоит одна анаконда? У Седого страсть к анакондам...

Дрюпин вздохнул, замысловато, с использованием незнакомых мне технических терминов выругался и сказал, что нам лучше поспешить.

– Это точно, Дрюпин. Анаконда – существо нежное, прихотливое, грубого обращения не переносит. А твоя псина реверансам не обучена...

– Знаешь, я ведь это... – Дрюпин поморщился. – Не очень змей люблю...

– Жизнь – стезя лишений и компромиссов, – сказал я и повлек Дрюпина в подвал.

В его дальнюю часть – туда, где находился террариум.

– Так и есть, – бормотал Дрюпин, поглядывая по пути на свой радар. – Направляется к змеям, в террариум. И зачем я

эти рефлексy активировал, дернул черт под руку...

Голос его дрожал, мне это нравилось.

Большая часть подвала была тоже занята под склад. Мы шагали мимо бочек, тюков, коробок, контейнеров и других предметов, которые обычно бывают в подобных местах. Пахло растворителем, змеями и почему-то клопами. Знакомый запах.

– Интересно, их давно кормили? – спрашивал меня Дрюпин по мере приближения к террариуму.

– Клопов?

– При чем здесь клопы. Я имел в виду анаконд. Они, наверное, голодные...

– Вот сейчас мы это и выясним, – отвечал я. – Могу тебе порекомендовать следующее. Анаконда, когда нападает, широко открывает пасть. И некоторое время она ничего не видит, и в это некоторое время ты должен...

– Ты, кажется, это уже рекомендовал, – вздохнул Дрюпин. – Только по поводу акул...

– И ты до сих пор жив, – подмигнул я. – Прислушайся к моим рекомендациям – проживешь еще больше.

Змеями пахло сильнее.

– Кажется, пришли, – сказал я. – Милое местечко. Дрюпин, ты знаешь, что племена, обитающие в верховьях Амазонки, считают, что мир возник из змеиной чешуи?

Вдоль стен стояли гигантские террариумы, пять штук. Все террариумы были разбиты. Вода не разлилась, сработал ава-

рийный сброс. Обитателей не видно, видимо, спрятались.

Пять анаконд на свободе. Или...

– А где Седой? – нервно спросил Дрюпин. – Где он, собственно?!

– Седой пишет приветственную оду, – объяснил я. – По поводу грядущего прибытия на базу повелителя мироздания – великого и страшного Ван Холла!

– А где Гришин? Где Варгас? Где они? – распахнулся Дрюпин. – Где десантники? Почему это мы должны тут ползать? Я технически ценный работник, меня надо беречь...

– Дрюпин, – оборвал его я, – прекрати хныкать. Сам своего урода распустил, сам его и лови.

– А где Сирень? – спросил Дрюпин уже испуганно. – Она же первая сюда спустилась...

– Сюжет плачевный, – сказал я. – Я вижу несколько возможностей. Самая тухлая следующая: Сим разбил террариум, анаконды вышли на свободу, одна из них, самая крупная, сожрала Сирень, а Сим потом загрыз эту анаконду, подавился и самоликвидировался. В общем, все тью-тью.

– Никто меня не сожрал, – послышался злобный голос Сирени. – Я тут.

Мы разом посмотрели вверх.

Сирень висела вниз головой, зацепившись ногами за лампу дневного света. Тоже мне летучая мышь.

– Ты что там делаешь? – тупо спросил Дрюпин.

– А ты разве не видишь? – разозлилась Сирень. – В би-

льярд играю!

– Чего не сделаешь в борьбе за жизнь, – сказал я. – Говорят, одна женщина вывалилась из небоскреба, уцепилась одной рукой за гвоздь и провисела так целый час. Ты сколько уже висишь?

– Минут десять, не больше, – подсказал мне Дрюпин.

– Значит, время еще есть...

– Идиоты, – сказала Сирень и прыгнула вниз.

Она мягко, совсем как кошка, приземлилась и сразу поднялась на ноги.

– Где Сим? – спросил Дрюпин.

Сирень указала рукой вперед.

– Анаконды живы? – спросил я.

– Не знаю.

– Кто пойдет первым? – Дрюпин посмотрел на нас.

– Предлагаю выкликнуть добровольца, – сказал я. – Ты, Дрюпин, хочешь стать добровольцем? Положить кишки на алтарь любви и жертвенности?

– Не знаю... – замялся Дрюпин. – Мне кажется...

Сирень молча протянула руку. Дрюпин сунул ей парализатор.

– Мне кажется, ее зовут совсем не Сирень. Мне кажется, ее зовут Жанна. Жанна д'Арк.

Дрюпин хихикнул.

Сирень не прореагировала. Выставив парализатор перед собой, она пошла вперед.

– Я же говорил, – подмигнул я Дрюпину. – Теперь к бассейну.

Возле бассейна мы наткнулись на картину, достойную пера художника Карла Брюллова. На кафеле валялись четыре здоровенные пятнистые змеи. Змеи были совершенно мертвые, мертвее не бывает. Рядом находился Сим. Он трепал последнюю, пятую. Анаконда тоже была уже совсем дохлая, дохлее сибирского мамонта с ледяной реки Индигирки. Позвоночник у нее был сломан, голова бесполезно болталась и имела такой вид, будто по ней проехал тяжелый угольный грузовик.

Закончив со змеей, довольный Сим сел на пол и со стальным скрежетом почесал себе бок задней лапой. А потом и вовсе разлегся, умудрившись свернуться в аккуратное, поблескивающее металлом кольцо. Все его охотничьи инстинкты были вполне удовлетворены, он успокоился и теперь собирался поспать, как самая настоящая собака.

Дрюпин растерянно молчал.

– И что нам теперь делать? – спросила Сирень.

Я посмотрел на задушенных змей, посмотрел на довольного Сима, посмотрел на Дрюпина.

– Может, их это... – Дрюпин покачал головой. – Может, их оживить еще можно?

– Сделай им искусственное дыхание, – посоветовал я. – И непрямой массаж сердца.

– Вряд ли их теперь оживишь, – с сомнением сказала Си-

рень. – Разве что ты начинишь их своими железками...

– Я не успею начинить, – убито сказал Дрюпин. – Что мне делать?

– Вешаться, – сказал я. – Лучше прямо здесь. Чтобы глупина твоей драмы стала заметнее...

– Сегодня что, День дебильного юмора? – спросила Сирень.

– Сегодня День непоротых Недорослей, – сказал голос Седого.

Мы оглянулись.

Прямо за нами стоял руководитель Проекта. Руководитель Проекта смотрел на дохлых змей, и на скулах у него перекачивались желваки. И даже на лбу они тоже перекачивались, хотя их там быть вроде и не должно. Что можно жевать лбом?

Тем не менее. От всего этого перекачивания мне лично казалось, что под лицо Седого залезла прожорливая мутантская пиявка, вершившая теперь под его кожей свое черное дело. Неприятное зрелище. До чего может человека довести ярость.

– Где он? – спросил Седой.

– Кто он? – попытался скосить под дурачка Дрюпин.

– Твой пес!

Седой скрипнул зубами с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка.

– Не надо, – просительно сказал Дрюпин. – Я больше не

буду! Сим – хорошая собачка...

Седой вышел из себя. Он завопил, что пять анаконд, задушенных хорошей собачкой, – это уже слишком, не говоря уже о разгроме биологической лаборатории и о срыве исследований! Что если Дрюпин сегодня же не купит у своей железки все охотничьи инстинкты, то он не будет обращаться к Ван Холлу, не будет писать бесконечные докладные и кляузы, он просто возьмет и пристрелит ее. А если хорошую собачку пуля не возьмет, он не поленится и поднимется в оружейную комнату за огнеметом.

– А чего тянуть? – кровожадно улыбнулся Седой. – Я сейчас ее и пристрелю.

– Не надо... – пискнул Дрюпин.

– Дай пистолет! – Седой повернулся ко мне.

– Это револьвер, – поправил я.

– Не умничай! Дай пистолет!

Я протянул Седому Бертю.

Он схватил ее и принялся целиться. Дрюпин хныкал и жалко умолял.

– Собаку заказывал сам Ван Холл, – напомнила Сирень.

– Пусть у меня из жалованья вычтет!

Обычно Седой к Сирени прислушивается. Он к ней вообще равнодушен как-то, я уже замечал. Два раза дарил конфеты и при этом смотрел как больной бассетхаунд. Станный тип.

– Я оплачу! – истерически взвизгнул Седой и выстрелил.

Кумулятивная пуля прошла метрах в двух над головой Сима, попала в трубу, прожгла дыру. Из дыры со свистом принялся выходить пар.

Сим не прореагировал. Мне вообще показалось, что он отключился.

Седой выстрелил еще раз. Попал в стену.

– Ты что, – Седой швырнул мне Берту, – совсем за оружием не следишь?! Прицел сбит, пули не туда летят...

– Возьмите лучше парализатор, – улыбнулась Сирень и протянула Седому аппарат.

– Парализатор... – Седой почесал подбородок. – Ну, давай...

Сирень шагнула к Седому.

И тут произошла довольно странная штука. Сирень поскользнулась. Нога ее поехала по полу, сама она качнулась вперед и нажала кнопку. Парализатор выпустил луч, луч попал Седому в подбородок. Руководитель Проекта задрожал как закоренелый паралитик и брыкнулся на пол.

Не думаю, что это было случайно. У Сирени слишком хорошая реакция, чтобы вот так тупо растянуться, да еще пальнуть при этом из парализатора. Скорее всего, она это сделала нарочно. Только вот зачем?

– Ты что натворила?! – завопил Дрюпин. – Я же его настроил специально на Сима! Там же полуторный заряд!

– Случайно. – Сирень поднялась и протянула Дрюпину парализатор. – Скользко тут...

– Что мы теперь делать будем?

– Что-что, берите его и тащите. Все просто.

– Какая злосердная особа, – вздохнул я. – Он к тебе как к родной дочери, а ты ему мегавольт в ноздрю! Нехорошо.

Сирень ничего не ответила.

– А вдруг у него был кардиостимулятор? – спросил я. – Тогда он уже труп. Надо поглядеть.

Я наклонился над Седым и быстро проверил его карманы.

Бумажник. Денег нет, одни карточки. Старая монета с профилем римского императора. Фотография, закатанная в толстый пластик. Какая-то девчонка, на Седого не очень похожа. Как трогательно. Швейцарский ножик с белым крестом.

Ничего интересного.

– Старые привычки? – съязвила Сирень.

Я не ответил.

– Кардиостимулятора нет, можно тащить.

– Что с начальником? – невозмутимо спросил объявившийся Варгас. – Убили уже?

Он улыбался, дымил сигарой и вообще был в хорошем настроении. Как всегда. Потому что те, кто всегда в хорошем настроении, живут на сорок лет дольше тех, кто всегда в плохом настроении. Я отметил, что появился Варгас совершенно беззвучно, совершенно незаметно.

– Лучше бы убили, – буркнул Дрюпин.

– Это точно, – согласился я. – Начальник поскользнулся

от горя, упал... Без сознания, короче.

– Понятно, – промурлыкал Варгас. – А там что? Анаконды? *Eunectes murinus*?

– Угу, – грустно сказал Дрюпин. – Они самые. Мурены чертовы...

– Это просто хорошо! – восхитился Варгас. – Они большие?

– Крупняк, – подтвердил я.

– Анаконды очень недешевы! – Варгас облизнулся. – Не каждый человек может позволить...

– Это точно, – кивнул я.

Я представил скандал... Да что там скандал – ураган, который развернется после того, как очнется Седой. Даже представлять не хотелось.

Варгас, потирая руки о комбинезон, направился к змеям.

– Чего это он? – насторожился Дрюпин.

– Кровь пить будет, – объяснил я.

– Чью?

– Анакондинскую. А ты думаешь, отчего он так хорошо стреляет? Только свежая кровь анаконды способна дать необходимую твердость руке и верность глазу. Хочешь, пойдем тоже попьем?

– Не, – отказался Дрюпин. – Я это... Не люблю змей.

– А насколько хорошо ты переносишь физические страдания?

– Как мне надоел этот пир идиотов, – сказала Сирень и с

отвращением направилась к лестнице.

– Сирень! – крикнул я вдогонку. – Не забывай про наряды! Душевые на втором этаже просят чистоты! Помой меня, я весь чешуся!

Я думал, что она ответит мне что-нибудь. Что-нибудь неприличное. И я с чистым сердцем смогу вклеить ей еще парочку нарядов за неповиновение. Пошлю ее на чердак, там полно голубей, не имеющих никакого представления об элементарной гигиене...

Но Сирень ушла молча.

– Дрюмпинг, у твоей будущей жены дурной характер, – сказал я. – Впрочем... У нее дурной характер, у тебя дурная наследственность, вы хорошо поладите. Ваш сын победит в конкурсе «Чулышман-2035», ваша дочь войдет в тройку самых...

Но Дрюпин меня не слушал, поскольку переключился на Седого. Седой был совершенно одеревенелым. Я для интереса даже пнул его носком ботинка в начальственный бок. Звук получился вполне бамбуковый. Дрюпин вздрогнул, очнулся и спросил:

– Ну, что делать будем?

– Нехорошо, когда начальство на полу валяется, – покачал головой я. – В полной бесхозности, в компании с какой-то дохлятиной... Ты, Дрюпин, совершенно лишен уважения к вышестоящим персонам.

– Напротив! Я очень, очень уважаю вышестоящие персо-

ны.

Дрюпин наклонился над ухом Седого и сказал еще раз, уже погромче:

– Я очень люблю начальство. А перед нашим мудрым руководителем я просто преклоняюсь!

– Дрюпинг, – ухмыльнулся я. – Пятки – в другой стороне.

– Какие пятки? – не понял Дрюпин.

– Для лизания.

– Я тебя серьезно спрашиваю, а ты...

– Чего тут непонятного? Надо его наверх тащить. А сюда прислать уборщиков...

– Я пришлю сам, – отозвался Варгас, – позже чуть. Хочу тут все посмотреть...

Он все ходил вокруг змей. Присматривался, прикидывал, даже измерял в своих никарагуанских вершках и локтях.

– Ну, мы тогда пойдем, – вздохнул Дрюпин.

– Идите. – Варгас принялся раскладывать змей по ранжиру.

Наверное, Варгас очень скучал по своей Латинской Америке и теперь был рад встрече с ее представителями, пусть даже в мертвом виде.

– Ладно, тащим его. – Я взял Седого за ноги.

– А Сим?

– Сам его волоки, – заявил я. – Он у тебя тридцать кило, поди, весит, я тебе не ишак. И вообще. Ты ему прикажи, пусть своим ходом добирается.

Дрюпин подбежал к Симу и произнес что-то на тарабарском языке, да еще и с цифрами. И погрозил пальцем. В этот раз Сим послушался. Поднялся и с лязганьем потащился к выходу из подвала.

Я поднапрягся и поволок Седого следом. Дрюпин присоединился ко мне. Вернее, к Седому.

– Там, кажется, лифт грузовой был. – Дрюпин кивнул в сторону лестницы. – Надо на лифте, так не дотащим...

Седой был грузен, тащить его было не селедку трескать, удовольствие ниже среднего, хорошо хоть, я ноги себе выбрал. Дрюпин хрипел и сквозь зубы ругался, мы продвигались в сторону лифта.

Постепенно Седой отходил от заряда. Глаза его зашевелились и теперь яростно буравили Дрюпина, да и меня заодно. Руководитель Проекта был явно не в духе.

– Случайно все получилось, – объяснял Дрюпин, – никто не виноват. Сирень хотела подать вам парализатор, но поскользнулась и нажала на пуск. Она не виновата. Никто не виноват, так получилось. Вы не переживайте, к вечеру это все пройдет, в меня тоже уже из парализатора два раза попадали. И ничего. Не хрюкаю...

– Конечно, ничего, – соглашался я. – От электричества никакого вреда не бывает, одна только польза. Правда, эффект побочный есть. Говорят, от электричества волосы выпадают...

– Врет он! – Дрюпин грозил мне кулаком. – Ничего не

выпадает! Даже наоборот! Растут еще лучше!

– Лучше-то оно лучше, да только не на голове. На спине, на руках...

Так мы и тащились. Передвигались.

Глаза Седого продолжали излучать ровную животную ненависть.

Перед самым лифтом я обернулся. Варгас присел перед самой большой анакондой и щупал ее пальцем. Причмокнул что-то на своем языке, облизнулся. Наверное, решал, как ему именно приготовить змеевину. Затем достал из-за спины нож и стал примериваться к туше.

– Кожу снимают с хвоста, кажется, – посоветовал я.

– Я знаю, – ответил Варгас.

Глава 4. Дрюпин-компакт

На «Я» имен не так уж и много.

Яков. Английская революция вспоминается, ну, или сын Сталина, которого на Паулюса не поменяли. Немного.

Яша.

Ну да, Яков – это Яша и есть.

Ярополк. Киевская Русь. Ярополк, кажется, Окаянный. Или то Святополк? Оба наверняка были хороши. Бразерам нож в носоглотку кирдык... Нехороший человек.

Ярослав. Ярослав Мудрый и Правда Ярославичей, тотальный запрет кровной мести. Нельзя никому втыкать копьё в глаз, воткнул копьё в глаз – двести свиней заплати князюшке. Не, Ярослав не пойдёт – если я воткну копьё в глаз, допустим, Дрюпину, двести восемьдесят свиней платить не буду, пошел он.

Что еще на «я»? Ясир. Но как-то не в традиции. Яцек. Братья-славяне. Братья-то братья, но жакан в затылок вгонят и спасибо не скажут.

Думал, наверное, минут двадцать, ничего не придумал, плюнул, отправился погулять.

У нас есть где погулять. И снаружи, и внутри. Снаружи тайга. А внутри атриумы – крытые внутренние дворики, к которым выходят галереи этажей. По идее, дворики должны быть хоть как-то облагорожены. Сады камней и не кам-

ней, газоны, фонтаны, мандариновые деревья, отдохновение души. Но до благоустройства атриумов административная рука не дотянулась, кое-где снаружи благоустроили только. А внутри просто забетонировали и наставили скамеек. В плохую погоду в атриумах расслаблялись десантники, жгли медовуху и жарили шашлыки, по ночам научный персонал устраивал готические вечеринки. Кстати, давно они ничего не устраивали, давно тишина. Заняты.

Сегодня атриум тоже был пуст. Я обогнул по галерее этаж. Все двери закрыты, все попрятались по конурам. Может, и правильно, слухи-то ходят страшненькие.

Я еще раз обогнул этаж, кинул вниз гальку, постоял, поглядел вниз, поглядел вверх. Решил в третий раз обойти. Еще себе имя попридумывать. Пока ходил, в башке всплыл какой-то Яллопукки, смешно.

Уже добрался до середины галереи по противоположной стороне, как увидел, что дверь в комнату Дрюпина открыта. Видимо, Дрюпин тоже бессонницей маялся. А раньше за ним такого не замечалось, поскольку Дрюпин был пуглив, как мускусная крыса, она же ондатра. А может, просто забыл закрыть.

Я решил использовать удачную ситуацию, немножечко Дрюпина шугануть, порадовать сердце. Потихонечку просунул в дверь.

Дрюпинская койка была пуста. Возле рабочего стола тоже его видно не было...

Дрюпин был за дверью. Прятался. И, судя по натужному дыханию, в руках у него была табуретка. Только Дрюпин мог впасть в напряжение, поднимая всего-навсего табуретку.

– Дрюпин, – сказал я. – Только не надо меня мебелью отоваривать, это не по-дружески совсем.

Дрюпин промолчал, только сильнее запыхтел.

– Ближнего – и табуреткой! – с укоризной сказал я. – Разве тебя этому учили в спецпэтэу?

Дрюпин не отвечал. Дело было плохо. Когда тебя хочет отабуретить технический гений, это свидетельствует о...

А кто его знает, о чем это свидетельствует. Я сделал шаг назад, затем резко прыгнул. Реакция у Дрюпина была не очень, я уже был в комнате, а он только-только вломил табуретку в косяк. Табуретка разлетелась, испортил казенное имущество.

– Ты что, Дрюпин?! – удивился я. – Это же я...

– Не подходи!

Дрюпин выхватил из-за пояса электрошокер собственной конструкции. Шокер Дрюпина стрелял не проволоками с крокодилами, а специальной соплевидной электропроводящей массой. Масса разлеталась веером на пять метров, уклониться от нее было нельзя, зарядов в шокере было восемь, с резервуаром повышенной емкости – двадцать два. Оружие весьма опасное, недаром Дрюпин сейчас работал над большой моделью – для разгона демонстраций.

– Дрюпин, – сказал я и сместился к койке. – Ты чего?

– Стой! – Дрюп пульнул в меня из своего соплемета.

Но за секунду до выстрела я успел сдернуть с койки покрывало и вышвырнуть его перед собой, на шокерный ствол.

Энергетические сопли убили верблюжью шерсть.

Второй раз выстрелить я Дрюпину не дал, метко кинул в него конденсатором со стола. Конденсатор в лоб хлоп, Дрюпин свалился.

Я прыгнул на него, выбил шокер, прижал к полу.

Дрюпин отбивался с такой энергией, будто я был не человек, пятьсот сорок раз спасший ему жизнь, а чудище обло, озорно и так далее, собирающееся высосать дрюпинский костный мозг. Изобретатель пинался, лягался, царапался, плевался, кусался, пришлось даже его немножечко стукнуть.

Дрюпин отключился, а я стал осматривать его берлогу в поисках жидкости – чтобы в морду ему брызгануть, так он хоть станет вменяемым. Но едва я отвернулся, этот гад рванул на четвереньках из комнаты. Еле успел сцапать его за шиворот и вдернуть обратно.

– Ты чего, Дрюпин? Куда бежишь?

Дрюпин лягнулся, попытался высвободиться снова, пришлось еще его треснуть немного. И еще немного. А потом даже не немного – Дрюпин никак не хотел униматься.

Когда, наконец, унимание произошло, я спросил:

– Ты что, Дрюпин? Это же я! Драников на ночь объелся, кошмары мучают?

– Отойди! – Дрюпин отмахнулся от меня как от какого-то

вия будто. – Отойди!

И даже знамение крестное сотворил! Только неправильное. Вот что означает технический человек, с гуманитарностью мало знакомый. Но, видно, пробрало что-то беднягу.

Я шагнул к нему – Дрюпин шустрнул в сторону постели. Я думал, под койку ему залезть не удастся – тушка изрядная, голова большая и бугристая, с одной головой такой трудно куда-то вставить. Но Дрюпин меня снова удивил. Говорят, что любая кошка может легко влезть в рукавицу. Дрюпин оказался тоже довольно кошачьим типом – он как-то легко втянулся сам в себя, а затем втянулся и под койку. Быстро все это причем, чтобы так шустро втягиваться под койку, надо иметь серьезный подкожный опыт. И некоторые особенности анатомии. Может, Дрюпину не только руки модифицировали? Сделали этакий автоскладывающийся вариант человека? Дрюпин-компакт. Эти твари все могут – у меня правая ладонь в мороз плохо, между прочим, работает...

Мне вдруг стало Дрюпина даже жалковато – такие подкожные умения не от хорошей жизни вообще-то возникают. Я решил быть с Дрюпиным помягче.

– Ты что, Дрюпин, совсем сорвался? – голосом возможного старшего брата спросил я. – Нехорошо себя чувствуешь? Голова кружится? У тебя аптечка тут есть или одни припой разные? А может, за доктором сбегать? Сбегать?

Я это вполне серьезно говорил, без иронии. Наверное, это и успокоило Дрюпина. Хоть как-то.

– Странно... – тихо сказал он из-под кровати.

– Что странно?

– Странно слышать это от человека, который только что хотел тебя убить...

– Дрюпин! – Я укоризненно заглянул под кровать. – Ну ты что?! Зачем мне тебя убивать?

Видно плохо было, лишь глаза блестели из глубины.

– Ты бы вылез, – попросил я. – А то так неудобно дискутировать. Вылезешь?

– Не вылезу, – ответил Дрюпин.

Не надо людей жалеть, люди жалости не понимают.

– Зря. – Я выбрал на столе жестяную банку с разными электроштуками, уронил на пол.

– Эй! – возмутился Дрюпин из-под кровати.

– И сказала Мачеха Золушке, – я выбрал другую банку, – отдели горох от чечевицы до захода солнца, иначе... Иначе будет плохо. Мне кажется, Мачеха упростила этой глупой девчонке задачу – надо было добавить еще, допустим, перловку...

Я уронил третью банку, с какими-то мелкими треугольными шутовинами, они очень удачно смешались со шутовинами предыдущими.

Дрюпин не вылезал.

– А скажи-ка мне, Дрюпин, что будет, если все эти электротехнические принадлежности залить соплями из шоке-ра? Отличный винегрет получится. Пожалуй, я...

– Ладно, вылезаю.

Койка подпрыгнула – наверное, Дрюпин пошел на подкожный вираж.

– Только, Дрюп, давай, безо всяких там твоих фризеров, трассеров и пси-дайверов. Мне совсем шутить не хочется.

Койка перестала подпрыгивать. Что-то железно щелкнуло – Дрюпин, видимо, отказался от агрессивных планов.

Так же ловко, как и влез, Дрюпин вылез. Надо потом, при случае будет обучиться этой технике. Когда Дрюпин придет в норму.

Гений изучил разгром, поглядел на меня с осуждением.

– Ты сам виноват, – сказал я. – Нечего было...

– Ну, ты и гад... – выдал разочарованно Дрюпин.

– Успокойся, Дрюпин. Скажи спасибо, что я тебя прямо под койкой не расстрелял. Из твоего собственного соплести-ка. Ты бы очень мило там покорчился... Ладно, мне надоело с тобой собачиться. Давай разговаривать.

– Давай.

– Значит, ты настаиваешь на том, что я пытался тебя убить?

Дрюпин быстренько взглянул на все еще валяющийся на полу шокер. Для верности я подтянул его к себе носком ботинка. Отсекайте у людей искушения, и станут люди гораздо лучше.

– Ты не пытался... – поправил Дрюпин. – Ты хотел...

– А почему тогда не убил?

Серьезный вопрос. Если я уж так хотел, то почему тогда не убил?

– Откуда я знаю... – поежился Дрюпин. – Передумал, наверное...

– Подробнее.

– А ты что, не помнишь? – Дрюпин был насторожен.

– Не помню. Давно я заходил?

– Минут двадцать...

Дрюпин снова скосился на шокер.

Забавно. Забавные вещи у нас тут происходят. Угрожающие. Опасные, я услышал опасность. Казалось бы, что такого – Дрюпину прикошмарился я, мне самому много что снится, и сам себе я тоже частенько снюсь. Конечно, ничего... Но в этом во всем было что-то такое... неприятное.

Кто уснет у подножия сфинкса и увидит во сне себя, умрет до новой луны, так будет.

– Я спал, – стал рассказывать Дрюпин, – спал. Спал, но потом вдруг проснулся. Знаешь, такой эффект присутствия. Или опасности какой... Я, короче, нервно проснулся. Огляделся. И тут гляжу, а ты надо мной стоишь!

– Я?

– Ты.

– А может, ты все-таки не проснулся? – Я поглядел на Дрюпина строго. – А я явился к тебе во сне?

– Ну, тебе видней, конечно, как ты ко мне явился, я тебе рассказываю как было. Я проснулся и вижу – ты.

– А это был точно я?

Дрюпин кивнул:

– Ты. Знаешь, я твою поганую морду всегда определяю. Правда, она у тебя такая бледная была, как у... покойника...

Тревожно. И плохо дело. Я с лицом, как у покойника, брожу по базе, это невесело в общем-то. И тут мне подумалось кое-что, и я спросил:

– А как я был одет?

– В халат, – сразу же ответил Дрюпин. – В такой черный халат, плащ даже такой. С капюшоном. На самые глаза надвинут был капюшон. Вот так...

Дрюпин показал как – до переносицы.

– Как же ты меня разглядел? Если я был в капюшоне?

– Знаешь, всегда разглядишь человека, собирающегося тебя прибить, я тебе уже говорил...

– А с чего ты взял-то это? Что я тебя прибить собирался? Я что, душить тебя начал? Или ножницы из кармана достал?

– Я по глазам же увидел! – заявил Дрюпин. – Это всегда видно! Ты на меня с такой ненавистью из-под капюшона смотрел! Будто я у тебя... ну, даже не знаю, что тебе сделал! Я и проснулся-то от твоего этого страшного взгляда!

– И что дальше было? – продолжал расспрашивать я.

– Ты же сам... Короче, ты смотрел-смотрел, а потом... Потом ты смылся. Я лежал сперва долго, ну и решил оборониться немного... А тут ты и сам заявился. Второй раз. Зачем-то переоделся только... Ты случайно не лунатик?

Лунатик. Хожу по ночам... Луноход. Не может быть такого. Если бы я ходил по ночам, мне бы давно об этом сказали. Меня бы лечили...

А может, я раньше луноходил? В той жизни, из которой ничего не помню? Только вот... Только вот при чем здесь плащ с капюшоном? У меня никакого капюшона с плащом нет, я вообще не терплю всякие капюшоны, когда что-нибудь на глаза налезает – просто вешаюсь. Тогда получается что? Что не луноход я вовсе, а шизик. Что где-то храню я этот черный плащ...

Со стороны атриума послышался приглушенный сабвуферный хлопок.

Птуккк.

Дрюпин ойкнул.

Что ж, этого и следовало ожидать. Сначала являюсь я-призрак-в-капюшоне, а затем вот такие хлопки раздаются.

Птуккк.

– Это что? – Дрюпин подвинулся к стене.

Я заметил, многие ищут в стенах поддержку, что ли, какую. Будто стены могут спасти.

– Что это? – спросил Дрюпин уже наоборот.

– Дробовик, – ответил я. – Кто-то пальнул из дробовика.

– Это неспроста, – забеспокоился Дрюп. – Сначала ты ко мне заглянул...

– Я к тебе не заходил, – перебил я, только Дрюпин не услышал.

– Потом ты второй раз ко мне зашел. А теперь стреляют...

– Тут всегда стреляют.

– Сегодня они не запускали ничего... – Дрюпин приложил ухо к стене. – Они ее не запускали. Почему тогда стреляют...

Со стороны атриума простучала очередь. Длинная. Ни разу не прервалась. Штурмовая винтовка. Чк-чк-чк.

Дрюпин от стены оторвался, огляделся полуубито.

– Оружие есть? – спросил я.

Дрюпин оружия никогда у себя не хранил. Во всяком случае, приличного. Разной хитроумной дряни у него было всегда куча. Трассеры, фризеры, о них уже говорил, а еще самосвязыватели, поскальзыватели, зуболом. Зуболом мне особенно нравился. С виду обычный, правда, чуть меньший в размерах мегафон, а наведешь его на цель, нажмешь на кнопку – и у этой самой цели начинают жутко болеть зубы. Так что ничего, кроме зубной боли, не остается. Только работал вот он ненадежно, был еще не отлажен, и иногда зубы начинали болеть у самого стрелка. Выявить какой-то закономерности не удавалось, и зуболом находился в стадии вечной разработки уже больше года.

Странно даже, с чего это вдруг Дрюпин решил треснуть меня табуреткой? Мог бы сразу чем-нибудь мощным, запасы-то есть... Растерялся с испуга.

– Оружие нормальное есть? – снова спросил я.

– Шокер...

Я поднял с пола шокер. Семь зарядов осталось.

Еще очередь.

– Что это?! Что происходит?

– Кто-то стреляет, говорю же. Надо пойти...

– Ты думаешь, нападение? На базу кто-то напал?

Дрюпин зачем-то обернулся одеялом.

– Вполне может быть... – сказал я. – Тут полно всего. Оружие, взрывчатка. Не удивлюсь, если пара боеголовок даже припасена...

– Здесь нет боеголовок. Я пять раз все проверял. У нас здесь нет источника радиации...

Взрыв. Со стола посыпались гайки. Глухой такой взрыв, на пластик похоже.

– Это внизу, – сказал Дрюпин. – Что ты думаешь делать?

– Надо посмотреть.

– Может, не надо?

Еще взрыв. Уже граната. Лампа под потолком погасла, по углам загорелся тусклый красный цвет.

– Что это?

– Аварийное освещение, – пояснил Дрюпин. – Генераторы отключились. Везде темно теперь... Полчаса темноты.

– Включить можешь?

Дрюпин вытащил из шкафа ящик с небольшим ноутбуком.

– Здесь я терминал собрал... – сказал он. – Так, неофициально... Попробую запустить пораньше...

– Попробуй. Слушай, Дрюмп, ты знаешь какое-нибудь имя на букву «я»?

– Ярыло, – сказал Дрюпин. – Тебе очень пойдет.

Я шагнул к двери.

– Ты что, действительно пойдешь? – спросил Дрюпин.

– Пойду. Погляжу одной рукой. Тебе кого-нибудь убить?

– Угу. Себя убей. А у Сирени как, дверь тоже открыта?

Я не ответил, открыл дверь, шагнул на галерею.

Снизу полыхнуло. Зеленым. В красном свете бластерный разряд казался зеленым, свирепый получался эффект...

Стоп! А кто, собственно, стреляет?

Бластерами десантникам нельзя пользоваться, даже в экстренном случае, за этим строго следят. Кто стреляет?

Снова автоматная стрельба. Потом крик. Кого-то прибили, однако...

Вжжих! Разряд в потолок, попал прямо в лампу, стекло взорвалось и посыпалось вниз золотым конфетти. Красиво. Что-то в последнее время слишком много разной стрельбы...

Я не удержался, выглянул за бортик вниз.

В атриуме разворачивалось сражение. Если сказать вернее, избивание. Избивали десантников.

Их было довольно много, десантников. Я быстро посчитал. Тринадцать штук.

Четверо шевелились на полу в неудобных позах.

Остальные нападали на человека, стоявшего в центре двора. Человек был невысок, и на нем и в самом деле был плащ с капюшоном. Только в красном свете аварийных ламп

он не казался черным, скорее, бордовым. Десантники нападали без оружия, винтовки беспорядочно валялись на полу вперемешку с другим оружием, я разглядел три бластера и переносной зенитно-ракетный комплекс.

Десантники нападали, человек отбивался.

Стреляли лишь двое. Да и то не попадал как-то, скорее даже не для поражения цели, а для отвлечения. Трассирующие пули пролетали над головой человека в плаще, но он не очень их пугался.

Один десантник сидел спиной к железобетонному кубу. С бластером в одной руке, с каской в другой. Палил он. Иногда. Большую часть времени пребывал в отрубке, пробуждаясь иногда и стреляя куда бог пошлет. Потом снова отрубался.

Сверху продолжал сыпаться мерцающий золотом порошок. Золотой снег. Странный Новый год. Все странно.

Сначала я не понял – к чему вся эта нелепая стрельба не по мишени. Затем дошло. Они даже резиновыми пулями в него не стреляли! Чем-то этот тип им был весьма и весьма дорог. Что ж, тем лучше. Шокер у меня наготове. Вырублю этого гада энергетическими соплями. Отличусь героически и узнаю, что за привидение такое...

Такая борзота – в одиночку на целую базу!

Сражение продолжалось. Счет в пользу оборонявшегося – нападать-то десантники нападали, только толку было мало.

Удивительное все-таки у него было искусство! Не видел

такого. Ни в кино, ни вообще. Похоже на какой-то бредовый танец. Пляска Смерти, расхлябанный веселый макабр, что-то такое истеричное и сверхэффективное.

И оружие тоже. Вроде короткой алебарды с торчащим вверх шипом. Алебардо-чекан.

Движение, блеск и свист – десантник падает с подрезанными коленными сухожилиями.

Движение – клинок входит в плечо, оружие на пол, еще один, валяется, орет.

Красиво, можно смотреть долго, любоваться даже.

А где же, кстати, подмога? Так он всех их перекалечит. Не, я давно знал, что десантники наши в бою не очень велики, но чтоб так... Не справиться с каким-то недомерком – на голову ниже самого низкого...

Я вдруг понял.

Он совсем не недомерок. Он тоже. Тоже мальчишка.

Коллега?

Может, с другой базы? Может, есть другая такая, как наша?

Ладно, сейчас узнаем.

Я выдохнул и двинулся вдоль стены галереи, стараясь держаться подальше от перил. Так, на всякий случай.

Когда я добрался до лестницы, ведущей в атриум, схватка закончилась. Пули не свистели, лазер не полыхал, ничего не брякало, ничего не громыхало, только лампа разбитая все сыпала и сыпала золотой пылью.

Я притаился и почти сразу услышал, что по лестнице поднимаются. Громыхая оружием и, как мне показалось, железными сапогами громыхая. Куда он прет, интересно? С галереи никуда выйти нельзя, только снова в атриум... Можно в соседний блок перебраться, только зачем? Заблудился, что ли?

Посмотрим.

Подождем.

Я стал ждать.

Поднимался он достаточно медленно, нагруженно. Когда вывалился на галерею, стало ясно почему. Он собрал почти все валявшееся в атриуме оружие. Даже ПЗРК и то прихватил. Куда ему столько?

Любитель оружия прогрохотал мимо меня. Арсенал ходячий.

– Стоять, – негромко сказал я.

Мне понравилась его реакция. Он даже не сбросил оружие, а как-то вышел из него, все эти железяки остались на секунду висеть в воздухе, а он уже выхватывал из-за спины свою алебарду.

Я стрелял метров с пяти. Три выстрела. Соплемет выбрасывал парашютом шокирующие заряды, увернуться от них было нельзя. По уверениям Дрюпина.

А он и не уворачивался. Он шагал навстречу выстрелу, взмахивал секирой, шок-паутина разделялась на две части. И он сквозь них проходил.

Надо Дрюпину будет еще поработать над шокером, потом скажу. Если...

Три шага сквозь наэлектризованный силикон, парень оказался передо мной и на четвертом движении разрубил шокер. Больно ударило по пальцам, я остался безоружен.

Замер, прижавшись к стене. Это было лучшей тактикой, судя по классу подготовки, мальчик в плаще шутить не любил. Лишний раз двинешься – рассечет сухожилия. А они мне еще пригодятся.

А вообще... Вообще в горло, точнехонько в артерию упиралась сталь. Секира.

Он поднажал, и сталь прорезала кожу. Мыслей у меня никаких не было, просто стоял.

Рывкнули сирены – Дрюпин запустил генераторы. Вспыхнул свет, лампа была как раз напротив меня. Довольно долго я не видел ничего, кроме белизны.

Но что-то произошло.

– Как это... – еле слышно прошептал парень. – Что такое...

Алебарда отпустила.

Голос какой-то никакой. Хотя нет, противный, кстати.

Свет лупил в глаза, я старался все-таки через него проглядеться, нет, бесполезно. Зря я велел Дрюпу включить свет. Алебарда отделилась от меня на сантиметр. Мало. Сантиметр – это мало...

– Брось оружие.

Ну вот, наконец-то. Сирень.

Грозная Сирень, воительница, птица смерти и дочь Ахелоя⁸, стояла в центре галереи, проснулась наконец-то. В гламурной розовой пижаме с цветочками и леопардами. Если бы я мог, я бы засмеялся, честное слово.

– Оружие на пол, – повторила Сирень.

Он медленно обернулся. Алебарду не выпустил, так и продолжал держать меня, лезвие почти на горле, одной ногой во тьме.

Сирень вышла из тени.

– Брось оружие, – приказала она.

Так спокойно-спокойно, но при этом ясно, что, если оружие не бросится, ничего хорошего ждать не стоит. И в подтверждение Сирень подняла «теслы». Ненормальность сгустилась – электромагнитные пистолеты-пулеметы дико не сочетались с розовой леопардо-цветочной пижамой, если бы я мог, я бы оборжался, честное слово, это было смешно.

Но он не засмеялся, он почему-то испугался. Я даже почувствовал, как дрогнула его рука, лезвие убралось еще на сантиметр, он что-то прошептал, но уже так тихо, что я не услышал...

Еще на сантиметр. Все равно мало. Для того чтобы рвануть, нужно сантиметра три.

– Положи топор! – Сирень целилась.

Непонятно куда только – то ли в меня, то ли в этого.

⁸ Ахелой – бог рек в греческой мифологии, отец сирен.

– Топор, говорю. – Сирень шагнула ближе.

Он опустил алебарду.

Я пытался разглядеть его, но видно было плохо, свет в глаза прямо, а капюшонщик стоял вполоборота.

– Отойди в сторону. – Сирень приближалась.

Я хотел сказать ей, что зря она подходит так близко, к таким нельзя близко подходить...

Он толкнул меня вперед, под «теслы», сам рванул в сторону лестницы.

Сирень нажала на курки. Не сомневаясь.

«Теслы» выпустили свои сотни пуль в секунду, две огненные полосы ударили в бетон стены меньше чем в метре от меня. Бетон потрескался, потек жарким малиновым сиропом.

По полу звенели падающие оболочки, цокали маленькие звенящие копытца, на галерее больше никого не было. Я и Сирень.

Она сменила магазины, прошла мимо меня, выглянула на лестницу.

– Никого, – сказала она негромко, сама себе.

Я тоже выглянул.

Действительно, никого.

Снизу, от атриума в броне повышенной защиты медленно поднимался увешанный разными видами смерти главный дес Гришин. Воевать шел.

А вверх лестницы вообще не было.

Глава 5. Молоко бегемота

– Встать! – рывкнул сикх.

Я послушно поднялся со стула. Придурок в полевой форме сикхского спецназа армии Индийской республики медленно направился ко мне.

– Кто твои сообщники?

– Я не знаю... – я почти плакал, – не знаю, про каких сообщников вы говорите...

Я совершил над собой зверское усилие воли и заревел.

Усилие пришлось совершать потому, что я был несколько не в настроении. Тревожно мне было после вчерашнего.

Не то чтобы я испугался. Но какое-то беспокойство во мне объявилось. Где-то в глубине. Беспокойство и неустойчивость. Все мерещился этот капюшонщик.

Как-то это на меня подействовало не так. Заноза какая-то занозилась.

А все, главное, делают вид, что будто ничего не произошло. Пропалины и следы от пуль на стенах вообще к утру уже были замазаны, будто и не произошло ничего, Седой встретил меня в коридоре – улыбнулся. Я его спрашиваю – что за налет тут ночью был? За что десантура зарплату получает? Ни поспать, ни отдохнуть после трудового дня. Что за дела? Почему я должен бегать по коридорам в исподнем и отстреливаться от каких-то призраков? Сколько можно...

Седой захихикал так неестественно и говорит – не волнуйся, это была плановая тренировка, в рамках проводившихся учений по повышению боевой готовности. Вчера ночью была вскрыта Вторая оружейная комната.

Вторая оружейная – это где бластеры хранятся и другая наша сверхамуниция. Кевлар, легкий уран, супербулат. Вообще-то, если организовывать налет, то только туда. Там собраны все шедевры смертоубийственной техники, причем большинство из этих шедевров не поступит на армейское вооружение в ближайшие пятьдесят лет.

Нападавший разрезал замок и попытался вынести несколько прототипов, однако сработала сигнализация, ну а дальше я и сам знаю.

Конечно, знаю. Только вот зачем перед тем, как вскрыть Вторую оружейную, этот нападавший заглянул к Дрюпину? Спокойной ночи, что ли, пожелать? Молока с печеньем занес? Колыбельную спел? Вряд ли Дрюпину все-таки привиделось, он хоть и трус, но трус слишком приземленный, такой не сможет увидеть галлюцинацию, даже если захочет.

Но спрашивать было бесполезно, Седой ведь никогда ничего не скажет, скрытность у нас просто стала философией. А я все равно попробовал спросить.

Кто, спрашиваю, это был? Что за герой такой – десы летали, как веники? Седой замаялся на секунду, потом сказал, что наш мастер меча вызвал одного из своих лучших учеников.

Из Саппоро.

Ну да, подумал я. Из Саппоро. Тогда что же он так хорошо по-рюсски ботал?

А вслух сказал: да, конечно, школа меча из Саппоро – лучшая в мире. Жаль, что мне не удалось схватиться с сенсеем, эта глупая Сирень все испортила своей дурацкой стрельбой...

Седой меня по плечу похлопал и говорит, что теперь такие учения частенько будут проводиться. Будь готов.

Ну да, учения по развитию бдительности, само собой. Хорошо. Только вот башку мне чуть не отрезали. Шрам на шее надолго останется. Ну, да ладно.

Дрюпин мне тоже встретился. Задумчивый такой, шарханул как от привидения. Бойтся меня. Ничего, побоится и бросит. А после Дрюпина сразу Сирень. В коридоре. Как-то не так посмотрела. С повышенной ненавистью. Почему только – непонятно. Ну, да что с нее взять... Благодарности я явно не дождусь. Особенно от Сирени.

Но вернемся к прозе будней.

– Кто твои сообщники?! – зарычал сикх.

И я все-таки заревел. Здорово заревел, слезы потекли прямо ручьями, закапали мутными каплями.

– Я не знаю, о чем вы говорите, какие сообщники, со мной вообще дружить никто не хочет, а вы говорите сообщники...

– Ты мне еще скажи, что в штаны писаешься! – злорадствовал сикх.

– Писаюсь... – рыдал я. – До десяти лет на клеенке спал...

На желтой...

– Ври больше. – Сикх достал из кармана опасную бритву, проверил на ногте остроту.

– Руку! – потребовал сикх.

– Не надо! – пискнул я.

– Руку, крыса!

– Не надо, мистер!

Сикх рассвирепел, схватил мою руку и принялся зажимать ее в портативные тиски. Я верещал от страха. Это было не то чтобы уж больно, но неприятно, ладонь оказалась сдавлена, а пальцы торчали наружу легкомысленным веером.

Сикх приблизился ко мне и помахал перед лицом бритвой.

– Я буду отрезать тебе пальцы, – пообещал он. – Потихоньку, не спеша, один за одним. Сначала на правой руке, затем на левой...

И сикх коснулся лезвием моего драгоценного мизинца.

Тут уже я не удержался и врезал сикху в ухо. Освободился из тисков и врезал еще. С большим удовольствием.

– Ты чего?! – заныл Дрюпин. – Так же не по правилам! Я так не могу, почему мне каждый раз в ухо?

– А кто мне на прошлом тренинге чуть ребро не сломал? – напомнил я. – Тебе, значит, ребра мне можно ломать, а мне тебе и в рожу нельзя?

– Плохо все, – устало сказал Седой. – Неубедительно... И что это за срыв в конце?

– Дрюпин заигрался, я же видел, – сказал я. – Еще бы немного – и он мне палец точно бы отрезал. У него после сна возбуждение в членах. А куда это годится?

– Я не заигрался! Это ты заигрался...

– Плохо, – повторил Седой. – Все это было очень плохо.

– Не, конечно, плохо, – согласился я. – Потому что я знаю, что это...

Я ткнул пальцем в сикха:

– Я знаю, что это Дрюпин. А это не тюрьма штата Пенджаб. И я не могу перед Дрюпиным до конца вжиться в роль.

– Психологические сценарии – важнейшая часть подготовки, – сказал из-за стола Йодль – еще один из наших наставников, к тому же врач. – Вы, молодой человек, должны уметь в долю секунды вжиться в один из семнадцати базовых образов. Кстати, повторите-ка их, пожалуйста...

– Уже повторял сегодня, – огрызнулся я.

– Повторите еще.

Спорить с Йодлем бесполезно, старый фашист просто непробиваем. Поэтому я плюнул на споры.

– Повторение – мать познания, – изрек Йодль.

– Как скажете. Повторяю. Сценарий номер один: «Идиот».

Я придал лицу серьезное и тупое выражение и принялся бубнить:

– Реализация сценария «Идиот» наиболее целесообразна при контакте с психологическим типом «Благородный лидер». «Идиота» не воспринимают всерьез, при нем ведут

непринужденные беседы, что позволяет осуществлять сбор информации. Кроме того, сценарий «Идиот» позволяет под маской недалёковидности задавать наиболее провокационные вопросы и получать правдивые ответы. Статистика показывает, что около восьмидесяти процентов людей не лгут при общении с идиотами. Что позволяет наиболее эффективно внедряться в группы...

– Дальше, – потребовал Йодль.

– Сценарий два, «Лабрадор»...

– Своими словами, если можно, – поморщился Седой. – Учебники мы и сами знаем.

– Пожалуйста, – пожал плечами я. – Сценарий «Лабрадор». Назван так в честь патологически дружелюбной и глупой собаки. Она всем помогает, ее любят, при ней не стесняются. Я бы сказал, что «Лабрадор» – это «Идиот» в квадрате. Наиболее эффективен против людей совестливых и нравственных – ну какой хороший человек обидит глупую невинную собачку? Сценарий три «Неудачник». Неудачник – милый парень, он старается всем понравиться, но ничего у него не получается. Он жалок, но помыслы его чисты. Все у него валится из рук. Наиболее эффективен против психологического типа «Благородный лидер». Такой лидер стремится покровительствовать, стремится защищать всех сирых и убогих, и, естественно, берет под свое крыло неудачника. Поэтому неудачник очень скоро оказывается в курсе всего. Впрочем, «Неудачник» в модификации «прихлебатель» мо-

жет быть легко использован и против «Неблагородного лидера». Все просто. Вообще, все наши сценарии направлены на слудующее – создавать о себе неверное впечатление, вводить в заблуждение, беспрепятственно шпионить, лгать, переступать через нормы морали и в итоге наносить удар в спину...

– Ну прямо уж в спину! – хмыкнул Седой.

– Именно так. В спину. Сценарий четыре «Трус». Выгода данного сценария заключается в следующем. Контрастный переход от «Труса», допустим, к номеру восемь «Супермену» практически в семидесяти процентах случаев вызывает у противника шок и психологический ступор, который опять же позволяет добывать информацию и решать поставленные командованием задачи...

Я взял со стола графин, налил воды, выпил с удовольствием.

– Сценарий шесть – «Капитан Немо». Реализуется в ситуации, когда затруднительно определить психологический тип противника. Выполняющий сценарий «Немо» должен по возможности не выделяться среди окружающих, ни в коем случае не обнаруживать себя. Иногда возможна демонстрация некоторых качеств. Сценарий «Капитан Немо» основан на анализе поведения обычного среднестатистического человека в экстремальной ситуации. Обыкновенный человек, не склонный к геройству или, наоборот, к излишней трусости, никак себя не ведет. Старается прояснить ситуацию, определить, кто есть кто... Остается в тени, одним словом.

На мой взгляд, именно «Капитан Немо» наиболее эффективный метод ведения разведывательной работы в поле. Предполагается сбор информации, инфильтрация...

– Довольно, – остановил меня Йодль. – В теории вы разбираетесь. Однако практика... Что вы нам демонстрировали сейчас?

– Сценарий «Трус», – ответил я. – В исполнении...

– В неудачном исполнении.

– В боевой обстановке исполнение будет удачным, – заверил я. – К тому же этот фигляр Дрюпин мне все время кривил рожи...

– Я не кривил, – вмешался Дрюпин. – Он все время врет.

– Да я вообще кристально чистый человек...

– А я думаю, на самом деле неплохо, – сказал Седой. – Приемлемо. «Трус» получился такой, как надо...

– Не знаю, не знаю. – Йодль принялся грызть губу. – Мне кажется, надо добавить часов прикладной психологии. И, может, еще театральное искусство...

– Меня и так от Станиславского уже тошнит, – застонал я. – Что я вам, в конце концов, Смоктуновский, что ли...

– Он слабо управляется, – сказал Йодль. – Его тяжело контролировать. Примите витамины обязательно.

Сказав все это, Йодль удалился.

Седой вздохнул.

– Я устал, – сказал я.

– Все мы... – Седой махнул рукой. – Что там у тебя сего-

дня? Стрельба, плавание?

– И то, и другое.

– Ну, так иди. Плавай, стреляй.

И все остальное утро я плавал и стрелял. Но не из револьверов, а из подводного автомата. Из подводного автомата по подводным мишеням. Это было утомительно и зверски скучно. Буль, буль, буль. Плечи ноют, в носу вкус хлорки. Буль, буль, буль.

После плавания спустился в столовую – восполнить запас электролитов и протеинов. Десантники ушли в лес и обедали там – варили свежие побеги елок, так что в столовой было почти пусто. Варгас, да еще мои коллеги. Дрюпин и Сирень то есть. Эта парочка сидела за своим любимым столом, на веранде, с видом на нее. Любовались далями, обогащали духовные запасы. Отлично. Испорчу им аппетит.

– Что будем кушать? – спросил раздатчик.

– Сегодня меня тянет на вегетарианскую кухню, – сказал я. – Что-нибудь...

Я взял сковородку. Тушеная фасоль с орегано и лавашем. Белок, углеводы, сплошная полезность. Салат с огурцом и укропом. Томатный сок, радость совестливого вампира. Двести капель тинктуры из возвращенного под Хабаровском женшенья – для придания организму общей бодрости. Все.

Сгрузив эту радость для желудка на поднос, я проследовал к Сирени и Дрюпину. По пути поздоровался с Варгасом.

Варгас сидел возле фикуса. Дул свою «Маргариту»⁹ и, как всегда, ел что-то необычное – какие-то маленькие белые сосиски, жаренные в пальмовом масле, – запах этого масла ни с каким другим не спутаешь.

– Угощайся. – Варгас с презрением поглядел на мою фасоль.

– У меня сегодня вегетарианский день, – отказался я. – Очищаю кровь от шлаков.

– А это совершенно растительное. – Варгас наколол сосиску на вилку. – Личинки маленького короеда. Он кушал молодую кокосовую пальму. Народный деликатес. Поднимает жизненную радость.

Я попробовал национальный деликатес. Кокосовая сосиска. Вкусно, но ничего выдающегося.

– А кайманов на гриле у вас нет? – спросил я. – Говорят, они хороши с виноградными листьями.

– К Рождеству обещались, – мечтательно сказал Варгас. – Но кайман не мягкий, лучше дикий пекари¹⁰. Через месяц будет пекари с перцами...

– Обязательно приду, – сказал я. – Приятного аппетита, маэстро. Буррито, авокадо, Тегусигальпа.

– Тебе тоже, – кивнул Варгас и налил себе коктейля с плавающими кусочками солнца.

⁹ «Маргарита» – алкогольный коктейль: текила с соком лимона, апельсиновым ликером и льдом.

¹⁰ Пекари – животное, напоминающее свинью.

Сирень и Дрюпин бросали на меня мрачные взгляды. Боялись, что я к ним подойду. Испорчу им обед, нарушу единение душ, кармическое, так сказать, слияние.

Я так и сделал. А нефиг.

– Привет, зеленые. – Я бухнул на стол поднос со своим обедом. – Аппетита вам море, жевать не переживать, как говорится в нашем серпентарии.

– Спасибо, – настороженно сказал Дрюпин.

Он уныло ковырялся в жареной картошке, Сирень наворачивала креветочный салат, запивала его молоком. Я взялся за фасоль.

Мы какое-то время ели молча. Потом я сказал:

– Надо поговорить.

– О чем? – тупо спросил Дрюпин.

– О вопросах пищеварения. Ну, и вообще. О бессоннице, о лунатизме...

Оба поглядели на меня как на ненормального.

– Вопрос пищеварения поставлен у нас из рук вон плохо, – продолжал я. – Что приводит к лунатизму. Вот ты, Сирень, пьешь молоко.

– Ну, пью, – насторожилась Сирень.

– А ты знаешь, что это за молоко?

– Китовое? – предположил наивный Дрюпин.

– Если бы! – Я воздел глаза в потолок. – Вы вот пьете молоко, а в курсе ли вы, что Ван Холлу принадлежит контроль-

ный пакет акций «Mouse Cream Company»... ¹¹

– «Mouse Cream Company»... – задумчиво сказал Дрюпин. – Что ты имеешь в виду?

– Да-да-да, – покачал головой я. – Именно это я и имею в виду. А вы не знали? Дело в том, что существуют целые фабрики модифицированных мышей, которые производят высококалорийное и витаминизированное молоко. Оно не только полезное, но еще и лечебное. Представьте себе: тысячи, даже миллионы старательных мышей, подключенных к доильным аппаратам, ежедневно вырабатывают тонны супермолока! Всего сто граммов такого молока обеспечивают тебя здоровьем и витаминами на два дня. Посмотри на нашу Сирень, она выглядит так... так... так витаминизированно.

Сирень выскочила из-за стола и побежала к выходу.

– Слабый желудок, – прокомментировал я. – А между тем любой участник нашего проекта должен безо всяких колебаний выпить не только стакан молока, но и стакан... мышинного молока. Стакан молока ехидны, стакан молока морского котика, стакан молока обыкновенного котика...

Дрюпин стал зеленеть. Я взял стакан Сирени.

– Дрюпин, – улыбнулся я. – Брезгливость не красит воина. Особенно если знаешь, что мир... что мир на самом деле существует в кристалле йодированной соли, которую добавляют в это прекрасное молоко.

Я допил молоко. Дрюпин выскочил из-за стола и побежал

¹¹ «Mouse Cream Company» (англ.) – Мышиная Молочная Компания.

за Сиренью.

– Пейте молоко бегемота! – крикнул я им вслед. – Оно полезно и богато энзимами!

– Молоко бегемота кисло, – сказал подошедший Варгас. – Его невозможно кушать.

– А вы пили?

– Пойдем, постреляем? – предложил Варгас.

– У нас сегодня нет занятия...

– Занятия есть всегда. – Варгас щелкнул меня в плечо.

Вот так вот.

Я познакомился с Варгасом два года назад. Да, два года назад. Я помню этот день, могу расписать его по секундам.

Тогда в тренировочном блоке был переполох, все бегали туда-сюда, чистили оружие и вообще наводили порядок. Уже месяц ходили слухи, что к нам должен приехать какой-то супербоец откуда-то из Никарагуа. Лучший в мире стрелок.

Варгас.

Выросший в бандитских районах Гранады, убивший пятьсот человек, не считая негров и китайцев.

Если ты возишься с врагами больше четырех секунд – ты на пути к поражению. Так говорил Варгас.

И стрелял.

Что такое Варгас, я тогда так и не понял. То ли имя, то ли фамилия. Но красиво. Латиноамерикански.

Говорили, что раньше Варгас был инструктором по

стрельбе сначала в ЦРУ, затем в МИ-6 ¹², затем за какие-то безумные деньги натаскивал наши отечественные спецподразделения. Теперь вот, так сказать на старости лет, решил подработать у нас. У Ван Холла.

Я попробовал найти что-то про Варгаса в Сети или в библиотеке, но нигде про него ничего не сообщалось. Варгаса как бы не существовало. Знатный признак – сразу ясно, что Варгас не Коля Водомеркин.

Несуществующий Варгас прибыл вечером. Я возвращался с занятий по мнемотехнике и увидел его. Он мне сразу понравился.

Потому что Варгас был индейцем.

Не североамериканским, с перьями орлана, воткнутыми в башку, и томагавком на плече, а южным – с носом, растущим прямо из лба, с острыми ушами. Я читал, что такие индейцы с носом – прямые потомки инопланетян, благородная раса. Я решил подготовиться к первому занятию и почти всю ночь читал книгу про приключения Франциска Писсаро, про небесные дороги в пустыне Наска. А утром спустился в тир.

В тире работали Варгас и спецназовцы-десантники, как раз тогда зачистившие на нашу базу.

Варгас медленно стрелял из больших револьверов по мишеням. Сразу с двух рук. После каждого выстрела он вынимал из барабана пустую гильзу и заряжал в каждый по но-

¹² ЦРУ – Центральное разведывательное управление – центр внешней разведки США, МИ-6 – военная разведка Великобритании.

вому патрону. Иногда Варгас заряжал по два патрона, иногда по четыре, иногда по шесть.

Я стоял за его спиной и наблюдал.

Стрелял Варгас долго, наверное, час. И сосредоточенно. Не обращая внимания на шумных десантников, рвавших мишени из своих крупнокалиберных штурмовых винтовок.

Настрелявшись, Варгас положил револьверы на стол, устроился в кресле и потребовал себе графин кактусового сока с мякотью и со льдом.

Я подождал, пока Варгас выпьет два стакана, и подошел засвидетельствовать респект.

– Почему вы стреляете из двух револьверов? – спросил я у Варгаса.

– Как? – удивился Варгас. – У человека две руки, и он должен стрелять из двух револьверов. Левая рука – шесть пуль, правая рука – шесть пуль. Двенадцать пуль.

Варгас отлично говорил по-русски, с мягким чавкающим акцентом. Именно с чавкающим, а не с птичьим, которым наши писатели так щедро награждают коренных жителей Южной Америки. Слова иногда путал.

– Двенадцать пуль – двенадцать мешков, – улыбнулся Варгас. – Хорошо.

Я подумал, что это его в КГБ так научили по-нашенски булькать, у них, кажется, были специальные гипнотические программы. Час сидишь с электродами на башке, а потом: парле ву франсе? Шпрехен зи дойч сплошной, короче, чудо

техники.

Варгас закинул ноги на плетеный стул, полюбовался своими сапогами из кожи белого буйвола, закурил короткую мексиканскую сигару.

Позже я узнал, что Варгас почти всегда курил мексиканские, хотя при желании мог бы курить и кубинские. Но на сигарах Варгас экономил. Это потому, что каждый год он менял пончо, и это пончо обходилось Варгасу в кругленькую сумму. В очень кругленькую. Пончо вышивали слепые вышивальщицы в одном из высокогорных районов Кордильер, и всего в год таких пончо изготавливалось три штуки. Одно традиционно дарили президенту США, другое наследнику верховного инки, третье присылали Варгасу.

Варгас носил пончо ровно год, потом пересылал в один из детских домов, там его продавали и с вырученной суммы оплачивали коммунальные услуги.

Тогда, в первую нашу встречу, Варгас тоже был в пончо. И в дурацком котелке, последний раз я видел такой на Чарли Чаплине по телевизору. Варгас выпустил дым, вздохнул и сказал:

– Настоящий боец стреляет только револьверами.

– Почему? – спросил я. – Это же неудобное оружие. Трудно перезаряжать, невысокая скорострельность...

– Отнюдь, – возразил Варгас. – Револьвер, особо револьвер, сделанный руками, превосходит машинган ¹³. Даже по

¹³ Машинган – machine-gun (англ.) – пулемет.

скорости пуль.

– А вы пробовали «теслу»?

Варгас рассмеялся.

– «Тесла» стреляет так быстро, что не успеваешь понять, куда именно она стреляет, – ответил Варгас. – А обычный пистолет... Для ребятишек.

Десантники, чистившие неподалеку свое оружие, презрительно расхохотались. Варгас остался невозмутим. Только громко сказал:

– Только индюшата могут думать по-другому.

Старший десантник Гришин спрыгнул со стола и веским шагом направился к нам.

Варгас даже не пошевелился. Курил, полузакрыв глаза, выпускал дым.

– Дедуля, – Гришин положил руку на плечо Варгасу, – что ты тут прокукарекал?

Он был выше Варгаса больше чем на голову и в плечах гораздо шире. Я уж не говорю о том, что рядом с этим молодчиком Варгас казался просто стариком. Он стариком и был, я ничуть не сомневался, что ему уже далеко за пятьдесят. А может, даже и больше. Старый конь, но по нему не скажешь.

– Так что ты тут прокрякал? – спросил Гришин.

– Только дурачки верят, что есть что-то скорее револьвера, – повторил Варгас.

Предводитель спецназовцев Гришин расхохотался.

– Дедуля, – сказал он, – даже самый распоследний «ка-

лаш» стреляет в три раза быстрее твоей пукалки. Так что ты осторожнее словами разбрасывайся, чревато бывает.

Варгас улыбнулся.

– Предлагаю состязание, – сказал он.

– Давай! – немедленно согласился Гришин. – Стреляем по мишеням с пятидесяти метров...

– Нет, – покачал сигарой Варгас. – Не думаю. Здоровые люди, по мишеням... Это вот с ним по мишеням. С ребятишкой.

И Варгас указал на меня. Гришин посиреневел от ярости, волосы на его ушах зашевелились, как дреды Медузы Горгоны. У всех наших десантников нервная система не выдерживает никакой критики, она ниже плинтуса, что неудивительно. Я видел, как они тренируются: с утра до вечера кирпичи себе об голову ломают, и вокруг музыка играет – бравые марши. А вечером они идут в кинозал, смотрят мультики про Бэмби и рыдают хором. Больные люди, им надо бесплатно выдавать молоко с орехами и медом.

– Это ребятишки так занимаются, – повторил Варгас. – Несмышленные...

Я испугался. Что сейчас нервный Гришин просто пришибет Варгаса кулаком. Возьмет кулак, возьмет Варгаса, стукнет по темени – и Варгас пробьется сквозь бетон до уровня своего мощного ледокольного носа. Но предводитель спецназовцев нашел мужество сдержать свой вселенский гнев, хрустнул кулаками – хруст-хруст, аж мураши по спине.

– Что же вы предлагаете? – спросил Гришин.

– Предлагаю сатисфакцию, – улыбнулся Варгас. – В нашем регионе...

Варгас указал пальцем в пол – видимо, там как раз на другом конце мира и находилась она, эта загадочная страна Никарагуа.

– В нашем регионе принято выясняться на ножах... Но у нас спор об огнестрелках... Предлагаю стреляться.

«Предлагаю стреляться», сказал Варгас, и в моем мозгу сразу же возникла картина.

Утро, зима, редкий снежок, между деревьями переминаются запряженные в черные кареты кони. На снегу собольи шубы и цилиндры, два чела с бакенбардами и в белых рубашках стоят напротив друг друга. В руках пистолеты. Бах. Мозги несчастливца разлетаются красивым веером по милым сердцу каждого русского человека березам.

Красиво.

– Надеваем жилетки, – продолжал Варгас. – Заряжаем оружие каучуковыми пулями.

Десантник расхохотался.

– Дедушка, не смешите лошадей! – сказал он. – Куда вам со мной стреляться? Это же в самом деле не по мишеням палить! При всей вашей славе...

Варгас добро улыбнулся. Так добро, что мне даже немножко холодно стало.

– Вы не поняли, молодежь, – сказал Варгас. – Я думаю

сатисфакцию не с вами персонально. Я вызываю всех вас. Одновременно.

Спецназовец Гришин едва успел поймать свою челюсть.

– Сколько человек? – продолжал Варгас. – Девять? Жаль. Лучше, конечно, двенадцать, но пойдет и девять.

– Вы что? – Дес повертел пальцем у виска. – Рехнулись? Один против девятерых?

– Повторяю, – Варгас налил себе еще кактусового сока. – Повторяю. Сколько – не важно. Лучше, чтобы вас было двенадцать. Но девять тоже добро.

Десантники подошли ближе.

– Слыхали? – ошарашенно спросил Гришин. – Он собирается стреляться со всеми нами...

– Меня прислали сюда, чтобы я научил всех стрелять. – Варгас потягивал сок со льдом. – Будет первым уроком.

Бойцы переглянулись.

– Не страшитесь, ребята, – сказал Варгас. – В голову не буду стрелять.

Это стало последней каплей. Десантники дружно отправились в оружейку выбирать оружие и переодеваться в броню и маски.

Варгас натянул на себя жилетку и снова устроился в кресле. Снова курил и прохлаждался, хрустя кубиками льда.

– Вы не боитесь? – спросил я. – Все-таки их очень много. И кто-нибудь обязательно попадет.

– Не попадут, – заверил Варгас. – Будь уверен.

После чего Варгас отставил стакан и принялся заряжать револьверы патронами с резиновыми пулями. Делал он это неторопливо и с любовью.

Минут через пять явились десантники. Выглядели они довольно устрашающе. Пуленепробиваемые жилеты армейского образца, мощные шлемы. Оружие. Вооружились всем, что имелось в наличии. Пистолетами-пулеметами, штурмовыми винтовками, ручными пулеметами, а один прихватил даже помповое ружье.

Варгас усмехнулся.

– Где стреляться будем? – спросил из-под каски Гришин. – Здесь?

– Я видел бетонированный... яму, – сказал Варгас. – Пойдемте туда. Там мы никого не повредим. Да, а что вы можете предложить?

– Ставка традиционная, – посерьезнел Гришин. – Ставим жалованье за полгода вперед.

– Хорошо, – согласился Варгас. – Только, надеюсь, вы все. Все поставите жалованье.

Гришин, не оглядываясь, кивнул за своих подчиненных.

– Вот это я называю кабальеро. – Варгас обратился ко мне: – Всего-то девять человек и не боятся меня! Настоящие мужчины!

– Хватит болтать, приступим. – Гришин кивнул в сторону выхода.

Бетонированный котлован располагался метрах в ста от

нашего блока. Не знаю, для чего он предназначался. Может, бассейн, может, рыбок китайских собирались разводить, тех, которые по шестьсот долларов за штуку, а может, еще что.

Котлован был глубокий, наверное, метра три. Как раз подходящее для перестрелки место, пули никуда не улетят.

– Отлично, – сказал Варгас. – То, что надо.

Варгас спрыгнул на дно котлована. Приземлился легко, как гимнаст. Десантники переглянулись и стали лязгающе сползать по железной лестнице. Я сунулся было за ними, но старший остановил меня.

– А ты постой наверху, – сказал он. – Побежишь в медицинский блок. Если что, вызывай вертолет.

– Не могу, – сказал я. – У меня нога болит.

Старший Гришин плюнул и полез вниз.

Десантники расположились почти по всему периметру котлована, Варгас встал в центре.

– Идиоты! – рявкнул Гришин. – Вы чего так выстроились?! Друг друга перестреляете! Встаньте к одной стене!

Бойцы выстроились вдоль стены. Варгас пожал плечами и встал напротив.

– Молодец, – сказал он Гришину, – не зря ешь свою похлебку.

Варгас нравился мне все больше и больше. Интересный был чувак, с юмором. Впрочем, меня всегда тянуло к Латинской Америке. Разберусь со всем этим и уеду в Перу, точно. Я читал одну книгу, там описывалась ночная поездка через

Анды. Я читаю это описание почти каждый день перед сном и думаю, что Анды – самое прекрасное и удивительное место на нашей планете. И там я побываю. Когда-нибудь, обязательно. Плюну кому надо в глаз – и в Перу. Кстати, еще я играю на перуанской флейте, это просто сверх, кто знает, тот поймет.

– Ну, что тянем? – спросил старший десантник. – Читаете молитвы?

Я подумал, что Варгас, пожалуй, перебрал с уверенностью в собственных силах. Все-таки девять на одного – это слишком круто даже для такого гения стрельбы. Так же думали и десантники. Ухмылялись, поигрывали мускулами, побрякивали оружием и, вообще, вели себя не в меру героически. Гришин спросил:

– Ну, и что дальше?

– Просто, – улыбнулся Варгас. – Мы стоим и смотрим. Потом выхватываем оружие и стреляем. По знаку.

– Что за знак?

Варгас сунул руку за пазуху и извлек небольшой пистолетик.

– Это мне дал брат Фиделя Кастро по имени Рауль, – сказал Варгас. – Отличный пистолет. Мне предлагают «Кадиллак» Элвиса Пресли за него.

Он кинул пистолет мне.

Пистолет был маленький, но тяжелый, как слиток золота. Потом я пригляделся и обнаружил, что пистолет на самом

деле изготовлен из золота. Во всяком случае, накладки на рукоятке точно. И не только из золота. Оружие было щедро украшено изумрудами, рубинами, мелкими бриллиантами и другими камнями, названия которых я даже и не знал. Такая штука и в самом деле могла легко потянуть на «Кадиллак». А может быть, даже на маленький самолет.

– Отойди подальше, – посоветовал мне Варгас. – Может задеть. Потом ляжешь на траву, и, как пройдет некоторое время, выстрелишь.

Я так и сделал. Отсчитал положенное количество шагов и лег на травку, прямо как какой-нибудь беспечный кролик на просторах Новой Зеландии. По небу тянулись кучевые облака, все было тихо, спокойно и умиротворенно, как на картинах фламандских художников. Казалось, что время для стрельбы совсем не подходящее...

Хотя для стрельбы всегда подходящее время.

Я снял пистолет с предохранителя, взвел курок, прицелился в облако, напоминавшее большой кувшин, и выстрелил.

В котловане грохнуло так, что я чуть язык себе не прикусил. И все. Тишина.

Странно. Я осторожно подкатился к краю. Заглянул.

Варгас расслабленно стоял в центре, как и минуту назад. Он курил сигару и не спеша перезаряжал револьверы. Десантники валялись по сторонам и маложизненно дрыгались. Варгас увидел меня и подмигнул.

– Все так и должно было быть, – сказал он. – Я сразу им сказал, а они мне не поверили. Время, что ли, такое настало? Людям на слово никто не верит...

– Особачились все, – сказал я, отдавая Варгасу пистолет.

– Как?

– Особачились, – повторил я. – Недобрые, гуманизму не хватает.

– Могу порекомендовать одну дыхательную гимнастику, – сказал Варгас.

– Я слышал, очень помогает, если каждый день есть суп буайбес, – сказал я. – Вы пробовали буайбес?

– Да, – сказал Варгас. – Это блюдо на любителя, очень сытное.

– А я нет. Не пробовал. И они нет. – Я указал на спецназовцев. – Потому все так и есть. Ожесточаются сердцем.

Гришин сел, прислонился к стене котлована, отстегнул шлем и с грохотом уронил его на цементный пол.

– Что это было? – спросил он. – Как оно...

Остальные десантники тоже стали разоблачаться. Гришин отстегнул от пояса флягу и вылил себе на голову ее содержимое. Отряхнулся. Бросил флягу на цемент.

– Почему? – спросил он. – Почему так никто и не успел выстрелить?

– Я же сообщал вам. – Варгас стряхнул пепел. – Револьвер – самое скорое оружие. Я поразил вас, пока вы тянулись к своим пистолетам.

– Всех девятих? – спросил я.

– Конечно, – улыбнулся Варгас. – Именно поэтому меня и вызвали. А это первый урок. Теперь собирайтесь и в тир, будем учиться перезаряжать.

– У нас обед скоро, – заметил старший спец.

– Обед впоследствии, – сказал Варгас. – И вообще, друзья, обед вы пока не заслужили.

Варгас направился к лесенке.

– Да, кстати, – сказал он на последней ступеньке. – Не забывайте про наше пари. Потом я сообщу свой счет. Ваши деньги помогут мне.

Десантники ответили скорбным молчанием.

Варгас выбрался из бассейна и отправился в сторону пищеблока. Я с радостью двинул за ним, поскольку вся эта стрельба пробудила у меня зверский аппетит.

Мы пообедали, я собрался бежать в тир, но Варгас меня остановил, сказав, что после обеда каждый приличный боец устраивает себе отдых. Если не устраивать послеобеденный отдых, то тогда зачем вообще жить?

– Я делаю тысячу выстрелов в день. Иногда больше, никогда меньше. Это как плавать. Чтобы развить стрелковое умение, надо упражняться ежедневно. Я стреляю пять часов каждый день. Попробуй.

Варгас подвинул мне револьвер. Револьвер был тяжелым, блестящим, гладким. Блестел матово. Такие я видел в фильмах про Дикий Запад. Он был великоват, под ладонь мне не

подходил. Но, несмотря на это, очень удобно в ней устроился. Я поднял оружие, взвел курок и стал целиться. Целился долго. Нажал на крючок.

Револьвер дернулся. Звук был не такой уж и громкий, зато отдача едва не сломала мне пальцы. Все как я и читал. Я попал. Если бы это было в тире, то наверняка оказалось бы, что в десятку. Точно.

– Хорошо, – сказал Варгас. – Но для обычных. Слишком долго. Настоящий стрелок не целится.

– А как тогда?

– Видел состязания по стрельбе? Когда стреляют по летучим тарелкам?

Я кивнул.

– Спортсмен не успевает целиться, на это времени нет. Он просто знает, где находится тарелка. Это не прицеливание, это знание.

Я слушал, я внимал.

– Они годами учатся стрелять из так, – Варгас принял позу стрелка по мишеням – вытянутая рука, прищуренный глаз. – Они попадают в цент, даже меньше. Они стреляют много лучше меня...

Я с сомнением покачал головой.

– Лучше, – уверил Варгас. – Но только вот из так.

Варгас снова продемонстрировал позу стрелка по мишеням.

– И только когда много времени. Моя техника другая. Я

сам ее разработал, я не целюсь. В бою целиться некогда. Я нарабатываю скорость. И... – Варгас замялся, – ощущение попадания.

– Как это? – не понял я.

Варгас стал рассказывать:

– Обычный револьвер поражает цель со ста ярдов... с пятидесяти метров. Мой – со ста метров. Но сто – это больше, чем нужно. Пуля из бедного урана пробивает подряд. На ста метрах я бью в сигарету. На расстоянии в двести метров бью в сигару. Но для сигары мне надо целиться.

– А когда вам не надо целиться? – спросил я. – На скольких метрах?

– На пятидесяти. На пятидесяти метрах я могу попасть везде.

После демонстрации в котловане я был склонен этому верить.

– Это достигается годами, – вздохнул Варгас. – Даже десятилетиями. Я не целюсь, я знаю любую точку, в которую бьет пуля. Каждое положение тела и руки соответствует каждому попаданию. Это автоматизм. Я тебя научу...

С тех пор прошло два года, я уже говорил. И все эти два года я стрелял. Стрелял, стрелял, стрелял. Конечно, до Варгаса я не дорос. Я не дорос даже до половины Варгаса. Мы провели больше двух тысяч поединков, и я ни разу не смог выстрелить первым. Но все-таки я был быстр.

Быстр.

Пройдет время, и это спасет мне жизнь.

Глава 6. Жеребец для королевы

Над озером зависла летающая тарелка. Серебристый аппарат, похожий на сложенные вместе миски для собачьего корма. Такие часто изображают в тарелочных журналах, в частности в моем любимом «Intruder». Неопознанный летающий объект типа «Миннесота», так он называется по-научному. То есть по-псевдонаучному.

– Отличные кадры, – сказал Дрюпин.

Он принялся щелкать камерой, стараясь запечатлеть тарелку в выгодном ракурсе.

– Никто потом не скажет, что я их из пенопласта склеил! Достоверность полная... – приговаривал Дрюпин.

– Один мужик не знал, как срубить бабла на лето. Думал, думал, потом придумал. Взял самую тонкую японскую леску, привязал ее к пластиковому блюдцу и привесил на балконе. А потом снял в лучах заката. Так вот, этот снимок целая куча экспертов признала самым достоверным снимком НЛО, – сказал я. Дрюпин не ответил.

– Дрюпин, чего ты все дергаешься? Ты же технический гений. Изобрети чего-нибудь, а Ван Холлу не говори. Какую-нибудь... ну, не знаю, механическую стрекозу, что ли, или паука железного... Обеспечь себя деньгами...

– Изобрети! – фыркнул Дрюпин. – Ты думаешь, изобретать – это блины печь, что ли? Вдохновение нужно. Полет.

А тут вдохновения не нужно...

Дрюпин вздохнул и снова принялся фотографировать летающую тарелку.

– Зачем тебе столько снимков, Дрюпин? – спросил я.

– Как зачем?! Эти миски еще лет тридцать не рассекретят, не меньше! А значит, всегда можно будет загнать эти фотки. Зарубежные издательства по три тысячи за негатив дают. Потом продам.

Я об этом как-то не подумал. Молодец Дрюпин.

– Редкие кадры, – приговаривал Дрюпин. – Обычно они в затемнении ходят, подловить трудно. А тут такие виды...

– Сейчас тарелочный рынок переполнен, – возразил я. – В последние годы много странных событий произошло. Взять хотя бы этого нашего красного волка-ящера. Что ты думаешь по этому поводу?

Тарелка неожиданно вильнула вправо, зацепила поверхность озера и врезалась в рощу на противоположном берегу. Сломала две сосны, они с плеском хлопнулись в воду.

Дрюпин хихикнул.

Я представил. Нетрезвые зеленые человечки сидят за штурвалом летающей тарелки, обнимаются, орут «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...», чокаются бокалами, украденными вчера с мануфактуры в городе Гусь-Хрустальном. Веселятся.

– Что-то он сегодня совсем разошелся. – Дрюпин сделал еще несколько снимков. – Наверное, действительно нарезал-

ся.

– Это хорошо, – сказал я. – Если нарезался. Для тебя хорошо. Нарезанный Ван Холл гораздо лучше Ван Холла ненарезанного.

– Я ему презент задабривающий готовлю, – вздохнул Дрюпин. – Может, прокатит?

– Может, и прокатит... Слушай, Дрюмпинг, ты сможешь им управлять?

Я кивнул в сторону летающей тарелки.

– «Буреломом»?

– Угу. Ты можешь управлять «Буреломом»?

– Не, – помотал головой Дрюпин. – Откуда. Там нейросенсоры...

– Это как?

– Он управляется... Ну, если говорить упрощенно, то силой мысли. На экранолете установлены двигатели с такой скоростью отклика, что рука не успевает, поэтому они подключаются непосредственно в нервную систему...

– Ну, если силой мысли, то тогда тебе не следует и пытаться, – сказал я. – Разобьемся.

– Надо просто потренироваться... Но Ван Холл все равно никого не пускает. А если попросить... Смотри, опять!

«Бурелом» качнулся, накренился и воткнулся до половины в воду. Двигатели рывкнули, в небо вылетел длинный язык красивого розового пламени. Дрюпин рассмеялся.

– Вода от температуры перешла в горячее состояние, –

пояснил он. – В плазму почти. Хорошо хоть двигатели не погасли... Кстати, ты знаешь, что при определенном умении плазму можно добыть в обычной микроволновке?

Я не знал. Проблемы синтеза плазмы меня не очень занимали.

«Бурелом» тем временем стабилизировался. Завис над водой и стал поворачиваться к нам носом.

– Смотри! – Дрюпин чуть не захлебнулся от смеха.

На носу экранолета распласталась большая черная клякса.

– Что это? – не понял я.

– Это аквалангист. Он подцепил из воды аквалангиста.

– Слушай, Дрюпин, тебе не кажется, что в последнее время у нас слишком часто случаются всякие... Тупость какая-то случается? Раньше такого не было.

Дрюпин не ответил, прилип к своей фотокамере и снова начал снимать.

Аквалангисты всегда дежурили в озере во время прилета Ван Холла. А вдруг «Бурелом» разобьется? Тогда аквалангисты быстренько нашего драгоценного триллионера и спасут, сделают ему искусственное дыхание, общую вентиляцию легких.

– Как держится! – смеялся Дрюпин. – Цепкий.

Аквалангист упорно не хотел спрыгивать обратно в воду. Но «Бурелом» снова вздрогнул и качнулся к соснам, аквалангист предпочел свалиться в озеро, чем быть раздавлен-

ным о деревьях.

Бульк.

– В прошлом году, – сказал Дрюпин, – Ван Холл катался на нашем «Беркуте». Решил размяться немного, когда был в Лондоне. А пилот он фиговый, это все знают. Так вот, он не справился с управлением и врезался в навесной мост. Убил двух пуделих и перепугал фрейлину королевы. Правда, потом подарил ей за это жеребца.

– Королеве?

– Зачем королеве, фрейлине.

– Повезло.

– Знаешь, – мечтательно сказал Дрюпин, – я слышал, что в личном гараже Ван Холла есть все способное передвигаться по земле, в небесах и на море. Машины, самолеты, локомотивы, батисферы, танки... Все. Он даже разыскал и купил трехколесный велосипед, на котором рулил в детском саду.

– Как трогательно.

Трогательно, конечно. Я, например, не могу купить свой трехколесный велосипед. И не трехколесный велосипед. И ослика, с которым я засыпал в три года. И вообще...

У меня психологические проблемы. Вообще, я лунатик.

– У него даже подводные лодки есть, – продолжал Дрюпин. – Атомные. С баллистическими ракетами. Это единственный человек в мире, способный начать третью мировую войну!

– Чего ему тогда от нас надо?

– А фиг его знает, чего ему надо.

– Дрюпин, а чего он никак летать-то не выучится?

– Он и не выучится никогда. У него же легкий ДЦП, он варенье на белый хлеб не может намазать без того, чтобы не растерять это варенье по всему вокруг. Даже по обоям.

Я сомневался, чтобы Ван Холлу хоть раз в жизни пришлось намазывать варенье на хлеб, наверняка ему все намазывали специальные намазчики. Был же у Ван Холла человек, который завязывал ему шнурки.

– Ах, – вздыхал Дрюпин каждый раз, когда на базу прилетал Ван Холл. – Почему я не завязываю ему шнурки, а?

– Ты не английский лорд, чтобы завязывать шнурки Ван Холлу, – отвечал я. – Сам знаешь, он в прислугу людей недворянской крови не берет. Если тебе так уж хочется кому-нибудь завязывать шнурки, завязывай их мне. А я тебе буду йогурт уступать за завтраком.

Завязывать шнурки глупо, каждый скажет. Ненавижу это занятие, честное слово.

– Сам себе шнурки завязывай, – сказал тогда Дрюпин.

Экранолет тем временем окончательно выровнялся. Он медленно приблизился к берегу и завис в метре над водой. К борту подогнали причал, пузо «Бурелома» раскрылось, и на понтон выскочили два вороватых японца. Настоящие якудзины, питаются исключительно сырой телятиной из теллят с восточного склона Фудзи. Люблю японцев, у них такой смешной язык. Хое сё рис яко сат кутагава нггиита рю кисо.

Обожрусь картофельной кашей, сделаю сеппуку поутру.

Красиво.

Японцы повертелись-повертелись и выпустили в воздух две длинные огненные струи.

— Почему эти дятлы все время палят из огнеметов? — спросил Дрюпин. — Понтятся, что ли?

— Это символизирует величие Ван Холла, — ответил я. — Типа, прибыл Великий Дракон с железными пальцами, и от величия его даже солнце спряталось в тучи...

— Понятно, — кивнул Дрюпин. — Я так и думал. Великий Дракон...

Сам я подозревал, что японцы банально выжигают комаров, поскольку Ван Холл комаров просто ненавидел, от комариных укусов Ван Холл раздувался, как рыба фугу. Чтобы комаров не было, Ван Холл весной сбросил в озеро несколько бочек бинарного инсектицида, но комары плевать на него хотели (и на Ван Холла, и на инсектицид) и размножались как ни в чем не бывало. Это, на мой взгляд, прекрасно доказывало тезис о тотальном равенстве, царящем в нашем мире, — комару глубоко плевать, кого жалить, Васю Кукарекина или владельца половины всего Ван Холла.

Комар, как любое другое кровососущее насекомое, — великий уравниватель.

Конечно же, сам Ван Холл так не думал. Уступать свое место под солнцем какому-то там комару он не собирался. Во всяком случае, поначалу. Ван Холл считал, что комары про-

сто не могут его кусать. Пораженные исходящим от Ван Холла флюидом великой недосыгаемости, они должны падать за-
мертво, как жалкая пыль. Но наши комары к ванхолловско-
му флюиду были совершенно равнодушны, равнодушны
они были лишь к огнемету. Поэтому японцы их и выжигали.

Они пофукали еще, до тех пор, пока воздух над ними не
задрожал от теплого марева, затем зачехлили оружие и скло-
нились в почтительных поклончиках.

В раскрытом люке «Бурелома» показался Ван Холл, вели-
кий, попирающий мироздание своими мозолями.

Кстати, несколько слов о Ван Холле.

Ван Холл.

Просто сбежал из кино про сумасшедших миллиардеров,
есть такой жанр. О Ван Холле даже говорить особо нечего,
дикий тип. Про некоторых говорят, что их в детстве урони-
ли на угол стола, от этого они немного не в себе. Ван Холла
тоже уронили. Только не на угол стола, а в шишководробиль-
ный аппарат. И он не немного не в себе, он много не в себе.
Глубокая патология.

Однажды Ван Холла переклинило, и он полез купаться в
пруд. И я увидел. Между костистыми триллионерскими ло-
патками помещалась татуировка.

Портрет Нерона на фоне горящего Рима.

К сведению непосвященных: Нерон – римский император
37—68 годов нашей эры, виртуоз игры в шашки. Прославил-
ся тем, что поджег уже вышеупоминавшийся Рим для того,

чтобы вдохновиться на написание второй части «Одиссеи», убил свою мать, жену, философа Сенеку и многих других.

Этот Нерон всюду ходил с лирой, чтобы в случае нахлынувшего вдохновения, не отходя от кассы, сочинить трагедию или поэму и тут же положить ее на собственную музыку. Ван Холл частенько появляется с лютней, но это в подражание французскому королю Людовику XIV. Чтобы в случае чего посетившее его вдохновение тоже не пошло коту под хвост. А в шашки Ван Холл играет, наверное, лучше самого Нерона. Я лично частенько видел, как он рубится с десантниками. Почти всегда выигрывает. И с большим удовольствием пробивает им пендели.

Псих. Больной человек. Мамажеро с банановым соком. И, к сожалению, весьма и весьма могущественный. Если не самый могущественный. Фармация, производство оружия, IT-технологии. Исследования ближнего космоса. Запонки стоимостью в небольшой город Тульской губернии.

От такого надо держаться подальше. На расстояние выстрела баллистической ракеты.

И в этот свой прилет Ван Холл тоже отличился.

Несмотря на лето, он был в огромной медвежьей шубе и в высокой бобровой шапке на манер какого-нибудь там Зверобоя или Кожаного Чулка. Сходство с народным американским героем увеличивало длинное ружье, лежащее у Ван Холла на плече.

Ван Холл поежился, затем прицелился куда-то в небо, вы-

стрелил. Посмотрел на ружье, разочарованно плюнул и бросил его на пристань.

Показался Седой. Седой был обряжен по полной.

Руководитель Проекта, офисная модель № 1.

Только вот волосы набриолинены. Ван Холл любил, чтобы все вокруг него одевались строго и бриолинили волосы. Даже огнеметчики-японцы и те были набриолинены, хотя я нигде никогда не видел таких японцев. Хорошо хоть, что Ван Холл не велел им перекраситься в белый цвет.

Кстати, несколько слов о Седом.

Седой.

Седой, а половина волос (а может, даже и все) искусственные. Вываливаются. Он уже засверлил ими, честное первомайское. Зайдет беседу провести, сидит, чешет затылок, чешет, а потом выметаешь после него его гриву. Злые языки (в частности, Дрюпин) утверждают, что Седой каждый вечер вставляет себе новые волосы из синтетических платяных щеток. Вечером он их вставляет, а днем они выпадают, вечером вставляет, днем выпадают, такой вечный двигатель. Однажды я рекомендовал ему перед сном разглаживать волосы утюгом, а Седой обиделся, как ученица первого класса. Отвернулся.

Тундра.

Так вот, Седой остановился в пяти шагах от Ван Холла.

– Мосье Седой, – сказал Ван Холл, – вы тут совсем за экологией не следите. Природа стонет. Я увлекся охотой на уток,

а у тебя тут никаких уток нет! Что за «за»?

– Мы... Будет исправлено в ближайшее же время. Завезем уток...

Дрюпин ткнул меня локтем. Ему было не слышно. Я перевел – я отлично читаю по губам.

– Говорит, что уток мало, а он хотел первым делом утку подстрелить.

– Утку ему! – буркнул Дрюпин. – Он бы еще на...

Дрюпин протянул паузу, и я понял, что он не знает, какой именно аппарат может быть громче экранолета Ван Холла.

– Он бы еще сюда на атомной бомбе прилетел, – уже спокойнее сказал Дрюпин. – А потом еще удивлялся бы, что тут уток нет.

Кстати о Дрюпине. Коли уж я взялся описывать главных действующих лиц.

Дрюпин, одинокий бобик, гвоздь ему в языковую кость.

Дрюпин, он похож на свина. Не на свинью, это было бы почетнее, а на свина. Чистого, круглого, с приплюснутым носом и розовым хвостом. Хороший откормленный свин. Башку бреет. Но не потому, что ему так нравится, а потому что волосенки жиденькие, если не брить, получается ухохотно. Его бритая башка очень бугриста, что тоже ухохотно.

IQ у Дрюпина выше моего, а свин. Даже уши свинячьи. Розовые, прозрачные, кончики слегка внизу заламываются, так и хочется укусить. Но нельзя. Дрюпин у нас главный по изобретениям. Гений-самоучка, стихийный инженер Ползу-

нов-Черепанов, и еще брат Райт в придачу. Его уши стоят миллионы.

– А жареные утки есть? – спросил Ван Холл. – На углях чтобы, с дымком чтобы...

– Фуа-гра есть... – растерянно сказал Дрюпин. – Есть утка по-пекински...

– Седой, ты меня волнуешь. Какая фуа-гра, какая пекинская утка, я что, в пельменную заглянул? Я на твою фуагру с голода смотреть не буду! Я хочу дикую утку! Дикую! Собственными руками запеченную, с угольком... А, чего тебе объяснять...

Ван Холл щелкнул пальцами. Японец подал ему лютню – откуда он ее выхватил, я даже и не заметил. Седой съежился. Ван Холл задумчиво повертел лютню в руках и сказал:

– Ладно, дурачок, веди меня в свою берлогу. Мне докладывали, тут у вас сотрясения какие-то...

– Ерунда, – улыбался Седой, – мелочи житейские. Мы с ними боремся в общем порядке. Я вам сейчас доклад сделаю по всей форме...

– Сначала яичница, Седой, потом доклад. И я слышал, что не мелочи совсем. И подготовь мне этих своих...

– Будут! Будут готовы! Я сейчас...

– Идем уже, – Ван Холл двинулся к берегу.

Роскошно двинулся, шуба тянулась за ним еще метра на два, понтово шуба тянулась, хочу себе такую.

К такой шубе пойдет имя...

Стоп. Хватит. На самом деле психоз какой-то. Не буду больше придумывать имена. Буду что-то другое придумывать. Надо только придумать, что можно другое придумывать, более оригинальное. Человеку ведь без придумывания никак нельзя, зацветет.

– Каждое утро он проглатывает двенадцать живых золотых рыбок, – сообщил Дрюпин. – Я попробовал одну проглотить, меня два дня рвало. Три дня.

– Чудлан осиновый, – сказал я. – Он микроскопических рыбок глотает, они потом плывут по венам к сердцу и врачуют его стрекательными нитями. Жизнь продлевает основательно. А ты небось, дурилка, вуалехвоста целого проглотил!

Дрюпин промолчал, и я подумал, что он, наверное, на самом деле пытался проглотить вуалехвоста. Из аквариума в холле. Балда. Конечно, Дрюпин в технике сечет будь здоров, одна эта собака его роботическая чего стоит...

– А есть еще голубые золотые рыбки, – продолжал я. – Они не лечат сердце, они в нем собираются, и, когда их скапливается около сотни, сердце взрывается, проклевываясь через грудную клетку.

– Оставил бы лучше свои византийские байки, – буркнул Дрюпин. – Я их сам тысячу знаю. И новых не меньше. Две тысячи. Знаешь, китайцы считают Ван Холла воплощением Золотого Дракона Востока. И имя ему не Ван Холл, а Ван Хо, из рода самого Ван Мана... ¹⁴

¹⁴ Ван Ман – император Китая в I веке нашей эры.

– В прошлый раз, – я взял бинокль, – в прошлый раз этот Великий Дракон у одного десантника месячный паек выиграл. Знаешь, взял двадцать банок курицы в яблочном желе и не поморщился. Такой вот Гарун-аль-Рашид.

Вдруг Ван Холл неожиданно остановился. Седой едва не наткнулся на него, чтобы не наступить на шубу, резко изменил курс и наскочил на японца. Они принялись балансировать на краю причала, но не упали, удержались.

– А-а-а! – завопил Ван Холл. – А-а-а-о!

Седой вздрогнул.

– А-а-а! – завопил Ван Холл еще громче.

Он повернулся к Седому.

– Москито! – Ван Холл шагнул к руководителю Проекта. – Меня укусил москито!

– Мы не виноваты, – сказал Седой. – Я предпринимал все меры, мы даже воду кипятили...

– Я сейчас тебя вскипячу! – Ван Холл отобрал у своего японца огнемёт и направил его на Седого.

Седой закрылся руками.

– Спорим, что не пыхнет? – Дрюпин протянул мне руку.

– Конечно не пыхнет, – отклонил я пари. – Он же не дурак, сжигать научного руководителя Проекта. Как установка работает, только Седой знает. Он, кажется, ее разработал?

– Он. – Дрюпин спрятал руку. – И еще физики. А меня к ней даже не подпустили ни разу...

– Потому что ты пока еще молодой технический гений.

Технический гений в штанишках.

Ван Холл тем временем перестал целиться, схватил огнемет за казенную часть и принялся дубасить японца. Японец терпел, уворачиваясь лишь от ударов, направленных в голову.

– Везет же джапу, – вздохнул Дрюпин.

– Чего же хорошего? – удивился я.

Дрюпин объяснил.

– Ван Холл полный псих, – сказал он. – У него с головой такие нелады... об этом всем известно, даже тебе, наверное. Он прямо как из анекдота. Знаешь, он покупает по всему миру самые дорогие картины, разрезает на открытки и рассылает своим приятелям на Рождество.

– Отвлекаешься... – сказал я. – Ты про джапа говорил.

Сам я слышал про Ван Холла кое-что другое. Будто Ван Холл на самом деле покупает картины, но только не на открытки их разрезает, а оклеивает ими стены в своем любимом трейлере. Впрочем, про какого триллионера не рассказывают таких историй? Тяжела жизнь простого рядового триллионера, люди к нему частенько несправедливы.

– Ну, да, – продолжил Дрюпин. – Он прошлому своему джапу сломал нос, челюсть и пару ребер, а потом раскаялся и подарил остров с лагуной...

– Зачем тебе остров, Дрюпинг? – спросил я. – Да еще и с лагуной?

– А... – Дрюпин махнул рукой. – Зачем остров без лагу-

ны?

В этом была логика.

Тем временем Ван Холл успокоился, похлопал Седого по плечу и пошагал ко входу в блок. Больше он не останавливался.

Экранолет «Бурелом» повисел еще несколько времени, потом затих и осел в озеро, отчего на берег набежала волна, а из вод показались усталые аквалангисты.

– Теперь что делать будем? – спросил Дрюпин. – Они в пятый корпус, наверное, отправились. Туда не попасть, хоть тресни, ты же знаешь...

– Знаю, – сказал я. – Поэтому мы ничего делать не будем. Посидим, подумаем немного. А потом по домам. Этот дурик расправится с яичницей, а потом займется нами. Время еще есть. Кстати, где Сирень? Мы хотели отбеседовать...

– Не знаю. Я звал ее...

– Она нож, наверное, точит.

– Зачем?

– В одной только Англии жены убивают около шестидесяти мужей в год.

– А я тут при чем?

– Да так, ни при чем, конечно...

Я сделал вид, что задумался, и задумывался, наверное, минут несколько. Потом посмотрел на Дрюпина так внимательно-внимательно. И говорю:

– Слушай, Дрюпин, а эта дура случайно не барабанит?

– Нет, что ты! – Дрюпин даже отодвинулся от меня.

– А откуда ты знаешь?

– Я не знаю. Но зачем ей барабанить?

– Мало ли? Может, ее сюда только с этим условием и взяли. Может, ей за это дополнительный паек полагается. Сначала ведь были мы с тобой, а потом она появилась. Зачем?

– Для усиления...

– Чего тут усиливать? Нечего.

– Ну, все равно. Не думаю...

– А ты, Дрюпин, думай. Думай.

Дрюпин почесал голову.

Я усмехнулся и сказал:

– Дрюпинг, я ведь тоже не тупой. Если бы ты был тупой, я не стал бы у тебя про все это спрашивать. Потому что если бы ты был тупой, то ты наверняка разболтал бы про наш разговор Седому. Так ведь?

– Ну, так... – согласился Дрюпин. – А откуда ты знаешь, что я не побегу к Седому?

– Потому что ты, Дрюпинг, не тупой. Ты же сам понимаешь, что они – это они. И что на нас им плевать. Вот так.

Я плюнул.

– На нас всем плевать. Нас бросили, мы не нужны...

Ну понесло немного, бывает со мной.

– А откуда мне знать, что ты сам не барабанишь Седому? – остановил меня Дрюпин.

– Ниоткуда, – кивнул я. – В этом наша слабость. Мы не

можем доверять друг другу, этим они и пользуются.

Дрюпин пожал плечами.

– Ты вот думаешь, для чего нас тут готовят? – спросил он.

– Не знаю. Только таких волков красных не бывает. Это я могу тебе точно сказать. С высокой долей вероятности.

– Ван Холл мог чего угодно понапридумывать... Знаешь, какие у него лаборатории? Красные волки, синие, зеленые, какие хочешь...

– Это верно, Дрюпин. И я давно хотел с тобой поговорить серьезно, как гуманоид с гуманоидом. С тобой и с этой метелкой, хотя она и не достойна слова моего. Надо все-таки встретиться втроем. Чем быстрее, тем лучше.

– К чему спешка?

– Не знаю. Но мне кажется, что скоро что-то случится. Эта ночная история, Ван прилетел... Зашевелилось что-то...

– Что?

Если бы знать что.

Как-то стремовато мне было в последнее время. И предчувствия к тому же. Я всегда чувствовал беду. Собаки, тюлени, пальмовые воры всегда предчувствуют наступление цунами. И я с ними солидарен. Бессонница. Страхи. Предчувствия. Но тут и особых предчувствий не надо было. Здесь, на базе что-то готовилось.

В этом я убедился этим же вечером, в брифинг-зале.

Через три часа после прибытия Ван Холла состоялся разбор полетов № 2. С лютней.

– Болван! – орал Ван Холл, потрясая инструментом. – Я тебе что велел?! Чтобы ты мне состряпал чудовище! Чтобы это было... чтобы это была... Техник, голограмму!

С потолка ударил синий луч, над полом возникло странное существо.

Да, оно отдаленно напоминало собаку. Только здоровую, наверное, почти в мой рост в холке. Железную. С шипастым гребнем на спине, с мордой, утыканной треугольными металлическими пластинами, с фасеточными глазами и страшными, как у ископаемого ленивца, когтями. Такая собачка одной лапой могла перебить спину льву. А может, даже и слону. Зверский пес.

– Вот что ты должен был сделать! – Ван Холл тыкал пальцами в голограммную собачью морду. – Вот! Это монстр! Монстр! А ты мне сделал какую-то малявку!

– Это не малявка... – оправдывался Дрюпин. – Функциональная наполненность устройства...

– Ма-алчать! – топал ногой Ван Холл. – Почему придется работать с такими дураками?!!

– Давление челюстей... – бормотал Дрюпин. – Циркулярная пила под нижней челюстью, правда, еще не до конца смонтирована, я могу показать...

Дрюпин тыкал указкой в стоящего на табуретке Сима. Сим был бездвижен и безопасен. Он не устраивал Ван Холла в таком масштабе, а если бы он узнал, что пес еще совершенно безбашенный, то, наверное, Дрюпину досталось бы лют-

ней.

А так Ван Холл обломал лютню о голову своего японца. В этот раз гнев триллионера был так силен, что японец от удара просел и не встал. Седой вздрогнул. Дрюпин стал бледнее мороженого. Сирень, напротив, покраснела от гнева. В последнее время я стал подозревать, что Сирень из породы правдолюбцев и справедливозащитников. Есть такие еще, особенно среди девчонок. На каждые двадцать девчонок – одна правдолюбка в обязательном порядке.

Однако у нее хватило ума не сделать Ван Холлу замечание. Конечно, бить ее лютней он бы не стал, но Седому могло вполне и перепасть. А Седой потом бы отыгрался на нас. На ней бы не отыгрался, а на нас запросто.

Сломав лютню, Ван Холл успокоился.

– Что он умеет? – спросил Ван Холл и брезгливо ткнул в Сима пальцем.

– Все! – нагло соврал Дрюпин. – Ну, почти все. Вы понимаете, в последнее время меня перекинули на дизайн парашюта, и я не смог...

– Понятно, – кивнул Ван Холл. – Демонтировать.

Это он сказал уже Седому.

В брифинг-зале повисла тишина. Тишина. Голографическое изображение металлического чудовища посредине зала, недоделанный кибернетический пес на табуретке, сумасшедший триллионер, только что разбивший лютню о голову своего холуя, Сирень – мать Тереза Калькуттская в моло-

дости, ну и я, скромный и циничный, как мастер спорта по борьбе сумо.

– Кого демонтировать? – почти шепотом спросил Седой.

– Ну, не мальчишку же! – застонал Ван Холл. – Эту железяку! Эту железяку демонтируй!

– Я все исправлю! – пискнул Дрюпин. – Он заработает...

– Лютню мне, лютню!

Японец подобострастно подал Ван Холлу очередную лютню. Запас лютен у Ван Холла был воистину неисчерпаем. Но в этот раз Ван Холл не стал сокрушать музыкальный инструмент о чердаки окружающих его идиотов. Он неожиданно уселся на пол и принялся наигрывать на этой древнефранцузской балалайке удивительно тоскливую мелодию. От этой мелодии у меня даже как-то защемило сердце, засбоил митральный клапан, и я подумал, что надо беречь себя.

А то так никогда и не увижу я Мачу Пикчу, Город Выше Облаков, не узнаю имя свое.

Дрюпин бормотал, что он все исправит, что через месяц подготовит нужное чудовище, с нужным масштабом, а Сим просто модель, все сначала надо строить в маленьком варианте...

Но Ван Холл сказал, что так никаких денег не напасешься, после чего велел все-таки разобрать Сима и сдать ценные запчасти на склад.

Дрюпин умолял.

Не помогло.

На этом брифинг закончился. О наших приключениях с красным волком не было сказано ничего. И тем не менее предчувствие наползающих проблем не покидало меня. Оно даже усилилось. Я чувствую беду затылком, я говорил.

Дрюпин рыдал целую ночь, почему-то я слышал его стелания даже в своей комнате. Утром пришел Седой и сказал, что так и быть, он договорился, разбирать Сима пока не надо, однако необходимо его как следует приструнить. В противном случае Ван Холл его дезинтегрирует.

Дрюпин был термоядерно ошарашен. Сидел на полу, гладил Сима по голове. Приговаривал, что, мол, какая хорошая собачка, побил плохих змеек, а ничего, плохие змейки сами виноваты, нефиг ползать под ногами, любой из себя выйдет, когда у него ползают туда-сюда под ногами...

Даже эта брукезия, Сирень, и та не выдержала подобного зрелища.

Кстати о Сирени. Так, напоследок.

Сирень.

Сирень-Сирень.

Девчонка. Тундра. Даже хуже. Вечная мерзлота. Ледниковый период. Вмерзшие в лед шерстистые носороги с глупыми глазами, что тут еще можно сказать?

Глава 7. Как я убил скороходов

Заглянул к Дрюпину поболтать, застал Дрюпина за странным занятием.

Дрюпин лежал на койке, подняв на стену ноги, уставив в потолок свои неприличные ступни. На кривые дрюпинские мизинцы были наброшены петли из толстых медицинских резинок. Концы резинок закреплялись вбитыми в стену гвоздями. Дрюпин двигал мизинцы в сторону, резинки растягивались. Дрюпин пыхтел.

Он качал мизинцы.

Это было довольно странно. Тренировки Дрюпин не любил, в спортзал заглядывал редко, подтянуться мог раз двенадцать от силы. И вдруг такая спортивная активность.

Заметив меня, Дрюпин кивнул, но от занятий не отступил, наоборот, приналег на них с удвоенным энтузиазмом. Его механическое чудовище сидело рядом на тумбочке, наблюдало за экзерсисами своего властелина с ровным электронным интересом.

Я устроился в кресле и спросил:

– Мизинцы качаешь?

– Человек должен быть гармонично развит, – ответствовал Дрюпин. – У некоторых бицепсы рубашку рвут, а в мозгу вакуум бродит.

– Зачем тебе накачанные мизинцы?

– Тебе не понять, – надменно ответил Дрюпин.

Он вытащил пальцы из своего тренажера, перекувырнулся и встал на ноги.

– Смотри!

И Дрюпин принялся с гордостью шевелить своими пальцами.

Пальцы у него шевелились и впрямь знатно, с широкой амплитудой, я, например, так не мог.

– Волосато, – сказал я. – Но какая в этом практическая цель?

– Ты вряд ли поймешь художника, – выдал Дрюпин. – В тебе нет...

– Ты что, картины ими рисовать собираешься?

Я представил. Дрюпин лежит на диване, растопырив перепачканные красками ножные пальцы. Правой ногой рисует «Утро в сосновом лесу», левой «Купание красного коня». Ценители тонкой живописи толпятся в прихожей, хрустя чековыми книжками. Сальвадор Дали похихатывает в гробу, являя миру татуировку в виде надписи: «Щедра дураками Русь-матушка»

– Дрюпинг, зачем ты все-таки тренируешь мизинцы?

Дрюпин сделал задумчивое лицо, будто прикидывал по-быстрому, выдать мне эту страшную тайну или все-таки унести ее в могилу. Подумав немножко, он все-таки раскололся.

– Пальцы я тренирую для скороходов, – выложил он.

– Для чего?

– Для скороходов.

– Для сапог, что ли?

– Угу, – кивнул Дрюпин. – Для них. Ты же знаешь, я их усовершенствовал. Сегодня из лаборатории поднял.

Дрюпин открыл дверцу шкафа и вытащил коробку с сапогами. Вообще, сапогами их было можно назвать только с большой долей условности. От настоящих сапог у скороходов сохранилась лишь подошва. Толстая, резиново-металлическая подошва. К подошве крепились мощные толкательные рычаги, такие же толстые тяги, резервуары с топливом, еще что-то техническое. Нелепое сооружение, громоздкое на первый взгляд, но с его помощью можно легко обогнать мопед. И запрыгнуть на двухметровую высоту.

Дрюпин напялил сапоги и, пыхтя, затянул ремни.

– Для того чтобы активировать сапоги, теперь не надо нагибаться и нажимать на кнопку. Легким движением мизинца...

Сапоги не включались. Дрюпин морщился и пыхтел, видимо, всю работу мизинцем.

Сапоги не срабатывали.

– Все вы так, – грустно сказал я. – Говорите, что изобрели вечный двигатель, а получается обычная картофелечистка... Я хотел с тобой все ж таки обсудить...

Дрюпин рыкнул, присел, выплюнул отвертку и стал ковыряться в правом скороходе.

– Иди, Джеки, тренируйся, – посоветовал я. – Ты недоста-

точно утруждал себя занятиями...

– Сейчас я... Ага!

В сапогах щелкнуло, и из носков выскочили два длинных ножа. Судя по тонким треугольным узорам на лезвии, это был супербулат. Перекристаллизованная сверхуглеродистая сталь, так, кажется. Такой ножик при должном усилии может разрубить рельсу узкоколейки. Опасная вещь. У меня самого такой есть. За голенищем.

– Это бонус. – Дрюпин подмигнул. – Я и тебе, кстати, сделал.

– Это какой палец? – спросил я.

– Второй... То есть левый. Сейчас еще правый попробую. Ага...

Сапоги лязгнули, подбросили Дрюпина вверх и мощно приложили его об потолок.

– Ай! – визгнул Дрюпин.

Я отпрыгнул в сторону.

– Ой! – визгнул Дрюпин и шлепнулся на пол.

Сапоги не унимались, они дергались и дергались, совершали шагательные движения. Дрюпина таскало по комнате, он переворачивал мелкую мебель и непристойно ругался. Ножи из супербулата рубили все, что встречалось на их пути, я запрыгнул на подоконник, в недосягаемость.

– Ножи спрячь! – крикнул я этому придурку.

Но то ли мизинцы у него заклинило, то ли заклинило сами сапоги, прервать свое разрушительное движение Дрюпин не

мог.

– Останови их! – орал Дрюпин. – Останови, зараза!

Я собрался было это уже сделать, но для начала надо было выдать что-нибудь приличное и подобающее случаю. Я подумал и сказал:

– Уважаемые посетители музея вселенского кретинизма! Сейчас вы можете наблюдать душераздирающую по своему драматизму сцену! Иванушка-дурачок борется с собственными сапогами-сорокоходами, которые в свою очередь борются за независимость от деспотичного имбицила!

– Помоги! – пискнул Дрюпин. – Они меня сейчас расшибуют!

Сапоги неожиданно дернулись особенно мощно, и Дрюпина снова подбросило. Он быстро перевернулся в воздухе и врубился своими суперножами в потолочное перекрытие. Сапоги отключились.

Дрюпин повис вниз головой.

– Отлично, – сказал я. – Дрюпинг, я явился к тебе, чтобы серьезно поговорить. Ты один?

– Нет! С хором кавалеристов!

– Я так и думал. Вот что я хочу тебе сказать...

– Сними меня, – угрюмо попросил Дрюпин.

– Тебя как, в профиль или анфас снять?

– Сними меня с потолка!

– Давай сначала поговорим...

– Я ни о чем не буду говорить в подвешенном состоянии! –

Дрюпин рванулся, из карманов на пол посыпались гайки, отвертки, мелкий технический инструментарий.

Даже ватерпас.

– Напротив, Дрюпин, в таком состоянии только и следует говорить. Кровь приливает к мозгу...

– Заткнись и сними меня быстренько!

Я поднял с пола надфиль и стал аккуратно подтачивать ногти. Дрюпин злобно молчал.

– Дрюпин, я рассказывал тебе про то, как меня воспитали собаки динго? – спросил я через минуту. – Они воспитали меня в условиях сурового дарвинизма, в обстановке тотальной безжалостности...

Дрюпин злобно в меня плюнул, что глубоко меня оскорбило. Я взял кусок проволоки, взял тренировочную резинку, за три минуты изготовил рогатку и принялся расстреливать технического гения мелкими болтиками.

Дрюпин ойкал, но был стоек минут пять, не меньше. После того, как я в седьмой раз попал ему в ухо, Дрюпин согласился со мной беседовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.